

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ

Заведующий кафедрой РЯЛиРК

_____ И.В. Евсева

« ___ » _____ 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА
ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА
(ТИПЫ «МАЛЕНЬКОГО», «ЛИШНЕГО», «НОВОГО»,
«ПОДПОЛЬНОГО» ЧЕЛОВЕКА)

Выпускник

С.С.Киселева

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. В.К.Васильев

Нормоконтролер

Чуруксаева А.А.

Красноярск 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТИП «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА.....	8
1.1. «Маленький человек»: к истории изучения и содержанию понятия ...	8
1.2. Образ Самсона Вырина в работах литературоведов.....	15
1.3. Структура образа «внутреннего человека» Акакия Акакиевича Башмачкина	24
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	30
ГЛАВА 2. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИП «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА».....	35
2.1. К истолкованию понятия «тип “лишнего человека”» в критике и литературоведении.....	35
2.2. К интертекстуальности характеристики образа-характера «лишнего человека».....	45
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	58
ГЛАВА 3. ТИП «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА.....	61
3.1. Характеристика типов «нигилиста» и «нового человека» в отечественных исследованиях.....	61
3.2. «Подпольный» как «внутренний человек».....	66
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3.....	81
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	85
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	94

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе представлен анализ литературных типов в произведениях писателей XIX столетия – «маленького», «лишнего», «нового» / «подпольного» человека. Мы попытаемся разобраться в вопросе смыслового наполнения данных определений, а также в проблеме соответствия конкретных литературных героев тому или иному типу. Нашей целью является попытка определить основные психологемы (архетипические мотивы), лежащие в основе каждого из основных литературных типов: «маленького», «лишнего» и «нового человека».

По словам Э.Я. Фесенко, «доминирующей тенденцией русской литературы XIX века становится тяготение к <...> реализму, который заявил о себе <...> обратившись к новым темам, к социальным проблемам, разработав концепции типов новых героев – тип “маленького человека”, тип “лишнего человека”, тип разночинца, увлекающегося то “нигилизмом” у И.С. Тургенева, то “бесовщиной” у Ф.М. Достоевского и в то же время сохраняющего в себе некую романтичность души, религиозность в сочетании с богоборческими настроениями, скептицизмом и бессилие в достижении цели, доставшиеся им в наследство от “лишних людей”» [Фесенко, 2013: 44].

Несмотря на то, что исследованию проблем типологии героев литературы XIX века посвящено огромное количество работ, тема не получила относительно однозначной, адекватной научной трактовки. Действительно, найти верное объяснение и дать точную характеристику литературного типа непросто в силу особенностей подходов гуманитарных наук, в частности филологии. Именно выбор, поиск метода в данном случае – основная проблема. По меньшей мере, ясно, что подходы, основанные на провозглашении примата субъективности, решить проблему не помогут. Мы полагаем, что необходимо строго следовать смыслам текста-первоисточника.

Проблема типологической классификации литературных героев интересует исследователей на протяжении десятков лет. Различным аспектам типологии русской литературы посвящены работы Ю.М. Лотмана, М.Б. Храпченко, У.Р. Фохта, Г.Н. Пospelова, П.А. Николаева, В.Г. Одинокова, А.Я. Эсалнек, Э.Я. Фесенко, В.П. Булычевой и множества других ученых. Описание типа «маленького человека» нашло своё воплощение в работах В.М. Марковича, П.Л. Вайля и А.А. Гениса, Л.Н. Дмитриевской, А.А. Аникина, М.Н. Эпштейна, Э.Я. Фесенко и др. Тип «лишнего человека» занимал критиков XIX века (В.Г. Белинского, П.В. Анненкова, А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова и др.) учёных (А. Лаврецкого, Г.А. Бялого, Л.М. Лотман, Г.Н. Антонову, Б.И. Бурсова, Д.А. Беляева, В.П. Даниленко, В.П. Поруса и др.). Вопросы «нового» человека посвящены работы А.И. Герцена, Н.Н. Стрхова, В.В. Воровского, Б.П. Козьмина, И.А. Паперно, Т.И. Печёрской и других.

Мы нацелены на выявление единого и при этом трансформирующегося «сюжетно-мотивного комплекса», характеризующего каждый из названных типов. В основе нашего подхода лежат структурно-типологический метод и близкий к нему метод мотивного анализа. Структурно-типологический метод рассматривает природу и функционирование «структур». Разработка метода представлена в работах А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, В.М. Жирмунского, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, Б.А. Успенского, Б.М. Гаспарова и мн. др. Суть метода мотивного подхода состоит в следующем: за единицу анализа берется некая целостность – комплекс семантически сверхнагруженных, ключевых элементов; исследователь наблюдает, как, варьируясь и переплетаясь, вступая в различные сочетания, эти элементы пронизывают всё произведение. Впервые комплексно метод применён В.Я. Проппом к волшебной сказке («Морфология сказки», 1928). В применении к литературным текстам метод положен в основу работ В.К. Васильева («Век XI и век XX: два сюжета русской литературы», 2000;

«Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры), 2006) и др.

Теоретическая база нашей работы основана также на идеях К.-Г. Юнга: его учении о «коллективном бессознательном», «содержаниями» которого являются «архетипы, присутствующие в нем изначально» [Юнг, 1950]. Аналогичное значение несёт и понятие «психологема», которое К.-Г. Юнг использует по отношению к образу Меркурия в статье «Дух Меркурий»: Меркурий (он же бог Гермес) «не канул в небытие с гибелью античного мира, а продолжал жить в странных и причудливых обличьях еще долгие века» [Юнг, 1948]. «В конечном итоге психический феномен Меркурия со всей совокупностью психических образований назван “психологемой”» [Там же], что в данном контексте равнозначно понятию архетипа. В нашей работе термин «психологема» – это архетипический / психоаналитический мотив, позволяющий описать героя как «внутреннего человека». Такое толкование вполне отвечает трактовке К.-Г. Юнга.

Актуальность работы заключается в том, что выявление комплекса психологем, формирующих «психотипы» героев, связано с поиском новых методологических подходов, перечитыванием классических произведений русской литературы

В качестве *материала исследования* выступили следующие произведения: «Станционный смотритель» А.С. Пушкина, «Шинель» Н.В. Гоголя (в основу повествования которых положено жизнеописание «маленького человека»); «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Переписка», «Дневник лишнего человека», «Гамлет Щигровского уезда» И.С. Тургенева (в качестве материала к построению сюжетно-мотивного комплекса типа-характера «лишнего человека»); «Рудин», «Накануне», «Новь» И.С. Тургенева, «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского (тексты, выражающие разные взгляды на тип «нового человека»).

Объект исследования – тексты русской литературы XIX века.

Предметом исследования является комплекс психологем, всякий раз составляющий образ героя как «внутреннего человека».

Цель работы – попытка представить репрезентативный материал, который способствовал бы созданию научной классификации типов героев («маленького»; «лишнего»; «нового», в том числе «подпольного» человека) на базе выявления сюжетно-мотивных комплексов, присущих каждому из них.

В соответствии с целью нами определены следующие *задачи*:

1. Выявить сюжетно-мотивный комплекс, характеризующий тип «маленького человека» (на примере повестей «Станционный смотритель» и «Шинель»).

2. Выявить сюжетно-мотивный комплекс, характеризующий тип «лишнего человека» (на основании романов «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», произведений И.С. Тургенева).

3. Выявить сюжетно-мотивный комплекс, характеризующий тип «нового» / «подпольного» человека (на материале романов «Рудин», «Новь», «Что делать?», повести «Записки из Подполья»).

4. В качестве итога представить типологическую классификацию основных героев русской литературы XIX века через «структурные модели», включающие характерные для них психологемы.

Сформулированные нами цель и задачи определили следующую структуру курсовой работы:

Введение, в котором обозначены объект, предмет, актуальность, цель, задачи работы, а также охарактеризованы методы, использованные при написании исследования.

Первая глава посвящена вопросу истории изучения литературного типа «маленького человека». В ней также предпринимается попытка построения модели типа посредством выявления присущих ему психологем.

Во *второй главе* через попытку построения структурной модели раскрывается характеристика типа «лишнего человека».

В *третьей главе* рассмотрены подходы к изучению типа «нового человека», предложены комплексы характеризующих его психологем. Особенность в понимании авторами художественных произведений типа «нового человека» заключается в том, что они могут смотреть на него с прямо противоположных позиций, поэтому формируется не единый «комплекс», а именно «комплексы».

В *заключении* подводятся итоги работы в целом.

Список литературы включает 104 наименования.

Апробация работы: основные положения выпускной квалификационной работы были представлены на международной научно-практической конференции «Молодёжь и наука: Проспект Свободный-2016», международной научно-практической конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер) культура в коммуникативном пространстве человека» (2017), V (XIX) Международной научно-практической конференции молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения», международной научной конференции молодых исследователей «Язык, дискурс, (интер) культура в коммуникативном пространстве человека» (2018).

ГЛАВА 1. ТИП «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

1.1. «Маленький человек»: к истории изучения и содержанию понятия

Большинство литературоведов сходится в том, что тип «маленького человека» появляется в русской литературе в 30-40-е гг. XIX века в творчестве А.С. Пушкина (повесть «Станционный смотритель», 1830) и Н.В. Гоголя (повести «Записки сумасшедшего» и «Шинель», 1839–1841), а продолжается в творчестве Ф.М. Достоевского (роман «Бедные люди» (1844–1845)). Однако, по мнению А.А. Аникина, «если искать первоисточник для темы “маленького человека” в русской литературе, то это будет прежде всего сама Библия, особенно – Евангелие» [Аникин]. Уже здесь в полной мере проявляется тот комплекс черт, которые формируют тип «маленького человека»: «евангельский человек мал своим духом, унижен, порочен и слаб, но устремлен к Богу, ожидает высшего суда» [Там же. Разрядка автора].

Непосредственно же в творчестве тема «маленького человека» отражена «достаточно полно еще в литературе 18 века, прежде всего в “Путешествии из Петербурга в Москву” А.Н. Радищева» [Там же]. С точки зрения В.В. Гиппиуса следующим этапом в развитии типа становится «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина. Эта повесть названа им предшественницей «Станционного смотрителя» наряду с «драмами Бомарше, Лессинга, Шиллера» [Гиппиус, 1937: 31]. Э.Я. Фесенко также утверждает, что в действительности первым тему «маленького человека» «обозначил в русской литературе Н.М. Карамзин в своей повести “Бедная Лиза” в конце XVIII века (1792 год)» [Фесенко, 2013: 46].

К типу «маленького человека» относят Самсона Вырина («Станционный смотритель», А.С. Пушкин); Акакия Башмачкина

(«Шинель»), Поприщина («Записки сумасшедшего») – героев Н.В. Гоголя, а также героев повести «Бедные люди» Ф.М. Достоевского. Некоторые исследователи отмечают черты «маленького человека» в образах Максима Максимыча («Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова), целого ряда героев «Преступления и наказания»: Мармеладова, Сонечки, Раскольникова, Разумихина, Лизаветы. К типу «маленького человека» Э.Я. Фесенко относит и князя Мышкина, считая, что с данным типом его роднит «кротость и смирение», хотя смирение Башмачкина и смирение Мышкина «носит разный характер» [Фесенко, 2013: 63].

Тема «маленького человека», по мнению А.А. Аникина, находит своё оптимистичное разрешение в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» в образе Платона Каратаева («идеальное воплощение человека и как раба Божьего, и как народного характера, и как неповторимой личностной души» [Аникин]). В новом виде «маленький человек» проявляется «в чеховских червяковых, беликовых, трофимовых» и «вскоре превращается в “мелкого беса” сологубовского романа» [Там же].

К «пограничным» образам А.А. Аникин относит Евгения из «Медного Всадника», Чичикова («Не “припрячь” ли к теме “маленького человека” и Чичикова?..») [Там же] и Плюшкина – героев поэмы «Мёртвые души» Н.В. Гоголя; Карандышева, некоторых героев «Грозы» А.Н. Островского, ряд чеховских персонажей, «на которых собственно тема маленького человека прерывается» (см.: [Там же]).

Доминантой для выделения литературоведами данного типа, как правило, является низкое социальное положение героя: он может быть мелким чиновником, мещанином или даже бедным дворянином; отношение к герою определяется в соответствии с социальным статусом. По этой причине для сюжета о «маленьком человеке» характерен специфически окрашенный социальный конфликт. Его не всегда просто выделить и описать, но пройти мимо него, значит, совершить большую ошибку.

«“Маленький человек” в литературе – обозначение довольно разнородных героев, объединенных тем, что они занимают одно из низших мест социальной иерархии и что это обстоятельство определяет их психологию и общественное поведение (приниженность, соединенная с ощущением несправедливости, уязвленной гордостью). Поэтому “М.ч.” часто выступает в оппозиции к другому персонажу, человеку высокопоставленному, “значительному лицу” <...> а развитие сюжета строится главным образом как история обиды, оскорбления, несчастья» [Манн, 1987: 207–208].

В.М. Маркович (в работе «Петербургские повести Гоголя») пишет о том, что «маленькие люди» – это люди, «которых можно считать средними в любом отношении, <...> герои-чиновники, погрязшие в рутине, но достойные лучшей участи» [Маркович, 1989: 10].

В 1830–50-х тема «маленького человека» «разрабатывалась в русской литературе преимущественно в русле повести о бедном чиновнике; при этом происходила эволюция центрального персонажа, переосмысление мотивов его поведения» [Фесенко, 2013: 45].

П.Л. Вайль и А.А. Генис полагают, что «сам Гоголь не был уверен, что маленький человек – герой безусловно положительный» [Вайль, Генис, 1991]. Основные черты «маленького человека» – наивность, заурядность, серость, ограниченность, приземлённые, ничтожные мечты. «Маленький человек» – человек «с маленькими страстями» [Там же].

М.Н. Эпштейн в работе «Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова» пишет: «Обычно маленький человек трактуется как отдельный тип – униженный, смиренный, безропотный, и Башмачкин ставится в один ряд с пушкинским Семеном Выриным и Макаром Деушкиным Ф. Достоевского. Но можно поставить Акакия Башмачкина и в совершенно иной, широко расходящийся ряд его непризнанных потомков и наследников в русской литературе» [Эпштейн, 2005: 18].

По М.Н. Эпштейну, «маленький человек» – это «тип убогого праведника, переписчика-спасителя», герой такого типа страдает «тяжелой формой социофобии», то есть «страхом заводить дружеские, любовные, семейные, какие бы то ни было человеческие отношения» [Эпштейн, 2005: 18]. Как правило, социофобия – это результат «либо органических психических отклонений, либо психологической травмы в детстве, либо патогенных условий индивидуального развития и воспитания» [Там же]. Это понимание болезненности близко схожему мотиву в типе «лишнего человека».

А.А. Аникин считает, что «общественное обличение затрагивает лишь одну из сторон в развитии темы “маленького человека”» [Аникин]. Исследователь выделяет основные внутренние черты, присущие типу: «обращенность к Богу» как одну «из обязательных черт образа», «стремление уйти от греха, хотя и неизбежное вовлечение в грех, однако в грех, имеющий прощение» [Там же]. Такого типа герой – «не святой, но и не воплощение дьявола» [Там же]. Обнаруженные характеристики А.А. Аникин объединяет в единый комплекс признаков, который целиком (!) свойственен «маленькому человеку»: «1) низкое, бедственное, подчиненное социальное положение; 2) страдание, происходящее не от своего злого умысла или вины, а от слабости и ошибок; 3) в разной мере, но – ущербность личности, часто убожество и неразвитость; 4) острота жизненных переживаний; 5) наконец, осознание себя именно “маленьким человеком” и стремление утвердить свое право на жизнь именно в таком качестве, но часто с мечтой лишь об облегчении жизни; 6) обращение к Богу как единственному носителю справедливости и равенства» [Там же].

Тип «маленького человека» неизменно связывается с состраданием к герою. Л.Н. Дмитриевская считает, что, уже называя героя «маленьким человеком», «мы его так или иначе отстраняем от себя, жалеем снисходительно, свысока. Но если перед нами ЧЕЛОВЕК, то подход к нему

уже другой. И в этом случае образ героя заставляет уже не думать над тем, стоит его жалеть или нет – он требует, чтобы мы задумались над собой, над своей человеческой сущностью» [Дмитриевская, 1999: 3].

«В своих истоках образ маленького человека вовсе не всегда связан с пафосом сочувствия и защиты слабого; обличение в этой теме развито ничуть не меньше» [Аникин].

В «Станционном смотрителе» интересно отношение к герою: то сочувственное, то ироничное, чему в немалой степени способствует эффект двойного авторства: «Белкин пытается придать пересказанным анекдотам назидательность, однозначную серьезность и даже приподнятость (без которых литература в его глазах лишается оправдания), а подлинный автор стирает “указующий перст” своего “предшественника” лукавым юмором» [Хализев, Шешунова, 1989: 42–43]. В.И. Тюпа объясняет «биполярность “Повестей Белкина”» «наличием двух глубинных жанровых истоков циклического образования, положившего начало классической русской прозе» [Тюпа]: притчи и анекдота. «Повести Белкина», в том числе «Станционный смотритель» – «двуязычный в жанровом отношении текст, предполагающий синхронность и равноправность его прочтения как на языке анекдота, так и на языке притчи. Немаловажно отметить, что в пушкинском тексте притча названа “историей блудного сына”» [Там же].

«Повесть Пушкина возникла не из усвоения сентиментальной повести, а из ее преодоления и отрицания» [Гиппиус, 1937: 33]. Внимание автора сосредоточено «именно на Вырине, а не на Дуне» [Там же]. «Главное отличие Пушкина – социальный характер сюжета, меняющий смысл всего» [Берковский, 1960: 177]. Пушкин не следует традиции сентиментализма, а наоборот, преодолевает её, «меняет иерархию героев и ситуаций. На авансцене рассказа Самсон Вырин и его история; то же, что составляло центральную коллизию близких по типу повестей, составляет второй глубинный план “Станционного смотрителя”» [Вацууро, 1981: 45].

Вместе с тем, «опрокидывая сентиментальные схемы, Пушкин переоценивает и самое существо основной для всей сентиментальной литературы эмоции сострадания» [Гиппиус, 1937: 35]. Конечно, «ведущий эмоциональный мотив повести – это, бесспорно, сострадание обиженному судьбой зрителю, в душе которого сплелись и горечь беспросветного одиночества, и тревога за любимую дочь» [Там же: 18]. При этом рассказчик испытывает сочувствие, не лишённое некоторой снисходительности: «легкая шутка не нарушает общего тона “искреннего сострадания”, а только предохраняет этот тон от перехода в “чувствительность”, показывает, что сострадание – исходный, но не окончательный и не решающий элемент отношения автора к Вырину» [Там же: 33]; «Самсону Вырину безраздельно отдано авторское и читательское сочувствие» [Вацура, 1981: 45].

Объясняется такое отношение к герою тем, что «маленький человек» слишком слаб: «у “малых” нет сил на борьбу, их удел именно сострадание, <...> это и делает тему “маленького человека” столь безысходно трагичной: земными средствами страдания не избежать» [Аникин].

На примере «Станционного зрителя» А.А. Аникин показывает, что «маленький человек» «хочет приспособиться к жестокому миру, укрыться от невзгод, что вовсе не так безобидно, как ему это кажется» [Там же]. Этот факт подтверждается и фамилией героя: «“вырить” – значит “приноравливаться”, а также “вырь” – это омут, темный и гибельный водоворот (согласно словарю В.И. Даля)» [Там же]. Интересно, что «маленький человек «при своей скромности напрочь отвергает христианское мироустройство» [Там же]. «Маленький человек» «уповает не на право, а на милость», однако «маленький человек» «обречен на непонимание Христа» [Там же].

«Чувство долга и особенно своей вины едва ему знакомо, он выполняет свои обязанности несвободно, боясь лишиться своего малого блага. Пушкин покажет и попытки “маленького человека” преодолеть корысть, но

совершить свободный и сильный поступок ему не удастся. <...> “Маленький человек”, по Пушкину, находится постоянно в разладе с своей судьбой, совестью и своими поступками» [Аникин].

Ситуация, в которой оказывается Вырин, лишает его «и любимой дочери, и защиты от зла в этом мире», но в этом виноват он сам, считает А.А. Аникин. «Маленький человек» «не столько анализирует, сколько смиренно сносит новые мучения, протест Вырина быстро гаснет, и он уже принимает удары жизни как неизбежное наказание» [Там же].

При этом «жестокая тема, во многом и построенная на обличении своего героя, отнюдь не противоречит заявленному Пушкиным в повести мотиву сострадания» [Там же].

«Пушкин показывает, что быть “маленьким человеком” – удел естественный и неизбежный; “маленькому человеку” открыто многое, но мало воспринято им; он стремится к облегчению земной участи, но лишь навлекает на себя еще большее страдание; стремясь к благу, не избегает греха» [Там же]. По мысли исследователя, «в русле темы “маленького человека” не должно ждать награждения “здесь и теперь”. Ожидание счастья ведет к несчастью» [Там же].

Такая же безрадостная судьба и у Акакия Акакиевича: «ничего радостного не сулит ему судьба» [Там же]. Герой «уже “готов”, завершён» [Там же]. Его «жизнь, лишённая смысла и радости, есть лишь умирание для “маленького человека”» [Там же]. Башмачкин «поистине мал разумом, душою, даже внешностью <...> сама жизнь, по гоголевской “Шинели”, ничем не значительнее Акакия Акакиевича [Там же].

Идея шинели, «эта фикция», «согревает “маленького человека”, становясь его “подругой жизни”, заменой супруги», «мимолетное торжество “маленького человека” обманчиво и скорее является последним мученическим его испытанием», которое герой «выдержал не без падения» [Там же].

По мнению А.А. Аникина, «маленький человек» «окончательно раздавлен коварным земным миром, вырастающим у Гоголя еще и в образ изощренной, сложной и уродливой государственной машины с департаментами и “значительными лицами”» [Аникин].

1.2. Образ Самсона Вырина в работах литературоведов

В эпиграфе к повести, взятом А.С. Пушкиным из стихотворения П.А. Вяземского «Станция»: «Коллежский регистратор, / Почтовой станции диктатор» [Пушкин, 1960: 86], акцент сделан на социальном положении главного героя. Чин коллежского регистратора, или станционного смотрителя, входит в последний класс «Табели о рангах». Чин «присваивался людям, вступившим на путь государственной службы из “низов”», «был введен для того, чтобы избавить их [служащих] от постоянных унижений со стороны власть имущих», однако «чин не всегда спасал станционных смотрителей от рукоприкладства» [Федосюк], что мы и видим на примере Самсона Вырина, «сущего мученика четырнадцатого класса, огражденного своим чином токмо от побоев, и то не всегда» [Пушкин, 1960: 86]. Всякий смотритель крайне притеснен: «проезжающий смотрит на него как на врага» [Там же], «какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову!» [Там же: 86–87], «в дождь и слякоть принужден он бегать по дворам» [Там же: 87]. Постоять за себя смотритель не способен, он покорно сносит ругательства, разве что, избегая встречи с недовольными постояльцами: «в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца» [Там же] или же спастись от гнева проезжающих помогает дочь: «бывало, барин, какой бы сердитый ни был, при ней утихает и милостиво со мною [Самсоном Выриным] разговаривает» [Там же: 90].

«У Пушкина табель о рангах – табель судьбы, она становится внутренним признаком человека, показывает, что дозволено ему во внутреннем мире и во внешнем» [Берковский, 1960: 181]. Находящийся на нижних ступенях социальной иерархии герой невзыскателен, скромнен «в притязаниях», смиренен. Для Самсона Вырина «внешний мир слишком велик, он сосредотачивается на своей идиллической станции как на островке благополучия, в котором все находится на своих местах, все функции исполняются, роли замещаемы (место покойницы-жены занимает ее точная копия – дочь, вместо одних постояльцев приезжают другие, точно такие же)» [Деменева, 2015: 48].

Социальная вертикаль формирует особенную психологию чиновничества. С мелкими чинами смотрители «не церемонились» [Пушкин, 1960: 87], рассказчик судит об этом по собственному опыту: «часто брал я с бою то, что, во мнении моем, следовало мне по праву» [Там же]. Вырин живёт по «общеудобному правилу»: «*чин чина почитай*» [Там же: 88] (Курсив автора). Вырин – «человек ограниченный, не представляющий себе человеческих отношений вне социальной иерархии» [Гиппиус, 1937: 17]. При виде генерала смотритель дрожит от страха и «отдает ему две последние тройки» [Пушкин, 1960: 87]; рассказчик «негодовал на *низость и малодушие* смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина» [Там же: 87–88] (Курсив наш – С.К.). «Положение Самсона Вырина всегда оборонительное. Солдатские медали, которые он носит на полинялых лентах, имеют смысл ограждающего средства – обиды возможны от всякого и всякую минуту» [Берковский, 1960: 181].

В прошлом герой был воином, служил в Измайловском полку. По версии И.С. Юхновой, Самсон Вырин прошёл войну со Швецией и Францией, участвовал в таких знаковых битвах, как битва при Аустерлице, при Фридланде и при Бородино (см.: [Юхнова, 2012: 286–287]). Из чего делается вывод, что Самсон Вырин «был высоким, могучим богатырем,

храбрым воином, прославившим русское оружие. Он был участником самых важных европейских событий» [Юхнова, 2012: 287]. Его попытки вернуть Дуню – та же готовность к борьбе, бою. Так, перед Минским герой «аттестует себя» «старым солдатом» [Там же]. Однако «в житейской “войне” воин-исполин обречен на поражение» и «в критический момент своей “мирной” жизни оказался бессильным защитить свой мир» [Там же]. В этом проявляется слабость, ограниченная природа характера Самсона Вырина.

От людей более высокого чина смотритель не получает ни благодарности, ни уважения: «генерал едет, не сказав ему спасибо» [Пушкин, 1960: 87]; «фельдъегерь *бросает* ему на стол свою подорожную!..» [Там же] (Курсив наш – С.К.). Конечно, иерархичное положение формирует подчинённое положение героя, сознание себя «маленьким» и необходимость соответствовать установленному порядку «чин чина почитай», но Самсон Вырин сам услужлив «от природы» [Там же].

Смотритель назван «мучеником» потому, что его жизнь полна страданий, она – «настоящая каторга», у героя нет «покою ни днем, ни ночью» [Там же: 86]. Такая характеристика восходит к агиографической традиции, как и описание его «бедного» жилища [Там же]: «смирной и опрятной обители» [Там же: 88]. Самсон, как и все стационарные смотрители, – человек «мирный», «скромный в притязаниях на почести», то есть не тщеславный и «не слишком сребролюбивый» [Там же: 87], кроме того, он добрый [Там же: 92].

Повествователь прямо выражает своё сочувственное отношение к герою: «сердце наше исполнится искренним состраданием» [Там же: 87]. Следующая фраза наполнена социальным смыслом: рассказчик именуется сословие, к которому принадлежит Самсон Вырин, «почтенным» и предпочитает беседу со смотрителем «речам какого-нибудь чиновника 6-го класса» [Там же]. Это объясняется тем, что автор-повествователь, титулярный советник (представитель IX класса «Табели о рангах») А.Г.Н., по

крайней мере, какое-то время сам состоял в «мелком чине» [Пушкин, 1960: 87], поэтому ему понятно и близко положение главного героя.

В понимании образа героя важна психологема имени. Так, имя стационарного зрителя напрямую связывается с характером деятельности героя: он назван «по имени Самсона-странноприимца и названию почтовой станции» [Петрунина, 1986: 101], объясняется это тем, что «он жив дорогой и умирает вместе с ней»¹ [Там же]. Таким образом, чистая функциональность Самсона Вырина, ограниченность его характера задаётся именем героя. Кроме того, имя отсылает к библейскому Самсону, который был погублен предательством женщины: зритель лишается способности жить покинутый своей дочерью. Без неё он бессилен, беспомощен, ведь одною «ею дом держался» [Пушкин, 1960: 90] Так, в начале повести герой предстаёт «свежим и бодрым» [Там же: 89], а ко второму приезду рассказчика Самсон Вырин постарел: «три или четыре года <...> превратили бодрого мужчину в хилого старика» [Там же]. При первом появлении повествователя зритель отвечает бодро и охотно, после потери Дуни поведение его меняется: «отвечал он угрюмо», «старик нахмурился», «притворился, будто бы не слышал моего вопроса» [Там же: 90].

Сюжет о Самсоне Вырине неотрывно связан с сюжетом о Дуне, «заблудшей овечкой» [Там же: 93], «блудной дочерью». Неслучайно автор помещает в «обители» зрителя картинки, изображающие историю блудного сына: сюжет «Стационарного зрителя» рассматривается как интерпретация Пушкиным притчи о блудном сыне (впервые эта мысль появляется в работах М.О. Гершензона): «зритель сам воспринимает события в линии этого сюжета и не видит для своей блудной дочери иного конца» [Эйхенбаум, 1987: 3].

Герой мыслит социокультурными штампами, предполагая, как сложится судьба Дуни: «Не ее первую, не ее последнюю сманил проезжий

¹ «Уничтожение тракта мыслилось Пушкиным как особый символический мотив, сопряженный с судьбами зрителя и его дочери» [Петрунина, 1986: 101].

повеса, а там подержал, да и бросил. Много их в Петербурге, молоденьких дур, сегодня в атласе да бархате, а завтра, поглядишь, метут улицу вместе с голью кабацкою» [Пушкин, 1960: 95]. Такой исход событий был типичен в подобного рода историях, и нельзя не согласиться с опасениями Вырина. Другое дело, что, вернув Дуню, старик не сделал бы счастливой ни дочь, ни сделался бы счастливым сам, так как его доброе имя было опозорено, поэтому он говорит в сердцах, что смерть дочери была бы лучше её погубленной репутации (см.: [Пушкин, 1960: 95]).

В сентименталистской традиции «центр тяжести лежал в области личных и социальных взаимоотношений соблазнителя и обольщенной; и в литературе, и в быту они рисовались так, как представлял это себе Самсон Вырин» [Вацура, 1981: 45].

«Дунин happy a[e]nd – чудо, невероятное по законам социального норматива. То есть трагедия стационарного зрителя оказывается следствием противоречия между ожидаемой закономерностью и происшедшей случайностью, между социальным нормативом и человеческим отклонением от него, между социальным правилом и гуманистическим исключением» [Поддубная, 1979: 19].

Самсон Вырин «живёт не в соответствии с окказиональной данностью жизни, но ориентируясь на императивы заданности», этим он «живое в себе <...> подчиняет мертвому, существование – отвлеченным сущностям», его «притчевое видение жизни играет с ним злую шутку», в результате которой Самсон Вырин «“хоронит” себя, эгоцентрически замыкаясь в своей ограниченности, так или иначе отрекаясь от жизни в ее действительной полноте и многообразии» [Тюпа, 1999].

По мнению Деменевой, зритель – человек, «полностью находящийся под прессом культуры, которая воплощаясь в виде картинок на стене и стихов <...> не дает прорваться к богатству непосредственной жизни. Герой становится заложником человеческого опыта и естественной

способности людей видеть больше, чем есть на самом деле» [Деменева, 2015: 47]. «Когда в его жизнь начинают вторгаться новые, неизвестные сюжеты – бегство дочери, ее непонятная жизнь в столице – Вырин сталкивается с необходимостью осмысления этого в рамках уже имеющегося жизненного, в том числе книжного опыта» [Там же: 48].

Похищение Дуни обнажает конфликт, который существует в обществе, устроенном таким образом. Причём конфликт этот – «откровенный и острый, <...> впервые открывший систему социально-общественных отношений современной действительности» [Поддубная, 1979: 17]. Минский «всегда и за все щедро платит: лекарю, Вырину “за постой и угощение” (VI, 137); за свою любовь <...> за любовь Вырина к дочери. Иными словами, он предлагает деньги как эквивалент этических ценностей» [Там же: 18]. «Выбор героини усугубляет трагедию обманутого человеческого доверия Вырина трагедией обманутого отцовского доверия» [Там же: 18–19].

Доверие к Минскому, да и к Дуне, при этом, ничем не обоснованно и выступает как «слепота» героя: «бедный смотритель не понимал, каким образом мог он сам позволить своей Дуне ехать вместе с гусаром, как нашло на него ослепление, и что тогда было с его разумом» [Пушкин, 1960: 92].

«Коллизия – счастье Дуни с Минским и несчастье Вырина – показана не только неразрешенной, но и неразрешимой. Минский, да и Дуня, жестоки с Выриным, но эта жестокость объяснена условиями социальной действительности» [Гиппиус, 1937: 34]. «Личная драма» отца и дочери обусловлена «закономерным порождением сословной иерархии» [Хализев, Шешунова, 1989: 16]. Социальное бесправие позволяет Минскому возвысить «голос и нагайку» [Пушкин, 1960: 91], а также «схватив старика за ворот», вытолкнуть «его на лестницу» [Там же: 95], ведь статус молодого гусара выше статуса смотрителя: Минский имел офицерский чин ротмистра, или капитана, что соответствовало IX классу «Табели о рангах» (см.: [Федосюк]). Решающую роль здесь играет и дворянское происхождение

Минского, которого зритель называет «высокоблагородием» [Пушкин, 1960: 92].

Самсон Вырин предпринимает попытки вернуть Дуню домой, но сталкивается с проблемой преодоления той социальной «бездны», которая существует между ним и Минским и которая создалась теперь между бедным стариком и Дуней: «Социальная бездна разделяет теперь не только Минского и Вырина, но и Дуню и Вырина; дочь уже не может вернуться к отцу и жить по его законам, – да и отец, как бы он ни принуждал себя, не сможет простить ей позора» [Вацура, 1981: 46]. Созданный конфликт «трагически непреодолим» [Там же]. Сам герой понимает своё бессилие в сложившейся ситуации: когда «приятель его советовал ему жаловаться», «зритель подумал, махнул рукой и решился отступить» [Пушкин, 1960: 95]. В этом проявляется и «маленькость» героя, и его смирение. Самсон Вырин – не бунтующий герой, он надеется на помощь высших сил, Бога: желая возвращения Дуни, зритель служит «молебн у Всех Скорбящих» [Пушкин: 94]. Самсон Вырин смиренный и слабый: потерю своей дочери он приписывает злему року: «от беды не отбожишься; что суждено, тому не миновать» [Там же: 90].

Без Дуни жизнь Самсона Вырина невозможна, пережить потерю у героя нет сил: «старик не снес своего несчастья; он тут же слег в ту самую постель» [Там же: 92]. Такое состояние героя объясняется и «горем от расставания» с Дуней, и его опасением за будущее дочери, и его излишним эгоизмом, и в какой-то мере «чувством оскорбленности за испытанное унижение и свою незащищенность» [Фесенко, 2013: 45]. Без Дуни зритель «ни жив ни мертв» [Пушкин, 1960: 92], побег дочери для Самсона Вырина – «убийственное известие» [Там же: 92] (Курсив наш – С.К.).

Жизнь Самсона Вырина концентрируется на любимой дочери, о которой он говорит «с видом довольного самолюбия» [Пушкин, 1960: 88],

признаваясь: «я-то <...> не наглажусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти» [Там же: 90]. В отношении к Дуне преобладает отцовская гордость: «кто ни проедет, всякой похвалит, никто не осудит» [Там же]. Дуня – «важнейший, но украденный смысл жизни отца» [Деменева, 2015: 49].

Смотрителю Дуня необходима, «ею дом держался», она, действительно, не просто помогает отцу, но составляет основу его существования. Героиня предстаёт как «разумная и проворная» (см.: [Деменева, 2015: 49]). Заметим, что эти характеристики могут наполняться не только положительными смыслами.

Создав в «Полтаве» эротический портрет исключительной красавицы (дочери Кочубея) Марии, А.С. Пушкин завершает его словами:

«Но не единая краса
(Мгновенный цвет!) молвою шумной
В младой Марии почтена:
Везде прославилась она
Девницей скромной и разумной» [Пушкин, 1960: 194].

«Она очень понятлива и, кажется, будет хороша собою. *Но что в красоте? была бы добра и разумна, тогда верно будет и счастлива*» [Пушкин, 1960: 529] (Курсив наш. – С.К.). Эти слова вложены А.С. Пушкиным в уста Анны Гарлин (героини неоконченной повести «Марья Шонинг»). Женщина говорит о своей четырехлетней дочери, Мине).

Если Дуня «разумная» и проворная», то в этих случаях мы находим иные сочетания: «скромная и разумная», «добра и разумна». Разум здесь не только ограничен, но и наполнен высокими духовными качествами – скромностью и добротой. И все вместе противопоставлено *красоте и несчастью*. «Проворным» же можно назвать и плута (см.: [Даль, 1882: 491]).

Дуня – настоящая красавица; на рассказчика она производит сильное впечатление: «красота ее меня поразила» [Пушкин, 1960: 88]. Кокетство

(«*маленькая кокетка* со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня» [Там же: 89] (Курсив наш – С.К.), позволение целовать себя случайному проезжающему мужчине, смелость в общении с мужчинами (она отвечала мне безо всякой робости, *как девушка, видевшая свет*) [Там же] (Курсив наш – С.К.) – поведение девочки, как и те самые картинки на стене с изображением блудного сына в окружении «ложными друзьями и бесстыдными женщинами» [Там же: 88], подготавливают сюжет к катастрофе.

Будто «ослеплённый», Самсон Вырин не замечает этих качеств в своей дочери, выбравшей путь блудной дочери (который для неё оборачивается, судя по финалу, вполне счастливо) – побег с Минским.

Как и в сюжете о блудном сыне, героиня возвращается к отцу, но не в дом, а на могилу. Она долго лежит на ней, – это покаяние перед мёртвым. Финал жизнеописания Дуни открыт, но читатель может вполне полагать, что жизнь ее сложилась благополучно.

Самсон Вырин вынужден терпеть удары судьбы от сильных мира сего. Он должен смириться с потерей дочери, но без неё он не способен жить. Изначально охарактеризованный как не тщеславный, не сребролюбивый, мирный, добрый, смиренный, верящий в Бога, герой... выбирает путь не к церкви, а к кабаку² («идет из кабака» [Там же: 96]), находит утешение в пунше («приехал он один и хмелен» [Там же: 92]) и умирает от того, что в отчаянии спивается. На протяжении всего рассказа, которым он делится с автором-повествователем, пунша «вытянул он пять стаканов» [Там же: 95–96].

Финал полностью дискредитирует героя. В.И. Тюпа акцентирует внимание на образе мальчика, проводившего повествователя на могилу Самсона Вырина, называя его «проводником Белкина в стране мертвых» [Тюпа]. Обладающий признаками демона «рыжий и кривой» [Пушкин,

² «Кабак — не официальное, а вульгарное, просторечное название заведения с продажей спиртных напитков» [Федосюк].

1960: 96] («“единаок” – одна из традиционных модификаций бесовского облика», – поясняет В.И. Тюпа), мальчишка радостно вспрыгивает на могилу зрителя. В этом проявляется возможная связь умершего с демоническим пространством. Тем более что в конце жизни Вырин связан с локусом кабака, а не храма. В итоге «блудными» оказываются оба – и дочь, и отец. Разница в том, что судьба дочери сложилась благополучно, а судьба отца трагически. «Блудный сын – ранняя могила отцу», – говорит русская пословица. Верно, что Дуня убила отца. Но верно лишь отчасти. Его убили и социальные отношения. В том, что в конце жизни Вырин оказался в inferнальном пространстве, в большей степени виноват он сам.

1.3. Структура образа «внутреннего человека» Акакия Акакиевича Башмачкина

Повесть «Шинель» была написана в 1841 году, опубликована в 1842. По воспоминаниям П.В. Анненкова, произведение родилось из «канцелярского анекдота» о бедном чиновнике, потерявшем своё ружьё, на которое он долго и упорно копил деньги (см.: [Анненков, 1928: 61–62]). «Анекдот был первой мыслию чудной повести его [Гоголя] “Шинель”, и она заронила в душу его в тот же самый вечер» [Там же]. По словам О.Б. Сокуровой, «Шинель» «началась с канцелярского анекдота, а выросла в трагедию “маленького человека”» [Сокурова]. Анекдот П.В. Анненкова – «устный образец популярного в литературе 30-х годов жанра повестей о бедном чиновнике, с их двумя разновидностями: сатирической (или комически-гротескной) и сентиментальной (или элегической). Такая дифференциация внутри жанра началась еще до вмешательства Гоголя в его судьбу (у Булгарина и Ушакова)» [Комментарии, 1938: 688]. «Комически изобразив “безчеловечье” среды, Гоголь тем самым “очеловечил” ее жертву (традиционного героя – чиновника), разрешив таким образом ту задачу,

которая стояла тогда не перед ним одним, а перед всей русской литературой» [Комментарии, 1938: 689].

Первоначально сочинение носило название «Повесть о чиновнике, крадущем шинели». «Общий характер сказа в черновых набросках отличается еще большей стилизацией под небрежную болтовню и фамильярность: “Право, не помню его фамилии”, “В существе своем это было очень доброе животное”, и т. д. В окончательном виде Гоголь несколько сгладил такого рода приемы, уснастил повесть каламбурами и анекдотами, но зато ввел декламацию, осложнив этим первоначальный композиционный слой» [Эйхенбаум]. Тот факт, что герой всё-таки получает фамилию и перестаёт называться «добрым животным» свидетельствует о его очеловечивании, возможности проявления сочувствия к герою.

Как отмечает Д. Мирский, «Акакий Акакиевич изображён как жалкая личность, смиренная и неполноценная, и рассказ проходит через всю гамму отношений к нему – от простой насмешки до пронзительной жалости» [Мирский, 1992: 240]. «*Шинель* породила целую литературу филантропических рассказов о бедных чиновниках, из которых самый значительный – *Бедные люди* Достоевского» [Там же] (Курсив автора).

Жизнь Башмачкина в разделенном на социальные ступени обществе, определяемая четырехсотрублевым годовым доходом, замкнута в себе и чрезвычайно однообразна: «его видели всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности» [Гоголь, 1938: 143]. Сам герой не обнаруживает никакого интереса к тому, чтобы как-то разнообразить свою жизнь, даже просто заинтересоваться чем-либо внешним. Он «не предавался никакому развлечению» [Там же: 145], «ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице», «он не думал вовсе о своем платье» [Там же: 145]. При этом Акакий Акакиевич «умел быть довольным своим жребием» [Там же: 146]. Единственная цель его существования – переписыванье: он человек-функция, «чиновник для

письма» [Там же: 143], живущий лишь для выполнения служебной механической обязанности. Она полностью заменяет ему реальность – в «переписываньи» Акакию Акакиевичу видится «разнообразный и приятный мир» [Там же: 144]. К тому же герой абсолютно бесталанен или даже глуп, он не способен справиться с задачей превышающей механическое копирование текста: пустяковое задание в «готовом деле» «переменить заглавный титул, да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье» вызывает у него невероятное напряжение [Там же: 144–145].

Акакий Акакиевич – говорящее имя. Оно возникает как результат повтора имени отца [Гоголь, 1938: 452]: подобный рождает себе подобного. Значение имени – «незлобный, добрый, невинный, простодушный» [Коршунков, 1998: 6] – несёт положительную семантику и характеризует Башмачкина как человека, близкого к житийному, агиографическому типу. Первоначальная фамилия героя – Тишкевич – подчёркивает сходный смысл: тихость, незаметность его существования³. Окончательный вариант фамилии – Башмачкин – можно истолковать не только как указание на (возможное) отсутствие гордыни, но и как на подчинённость и низкое социальное или даже такое положение героя, в котором его унижают. Действительно, автор, например, замечает, что в департаменте ему не оказывалось «никакого уважения» [Гоголь, 1938: 143]. В департаменте начальники обращаются с ним «холодно-деспотически» [Там же: 144], молодые чиновники «подсмеиваются и острят» [Там же: 144], даже сторожа относятся к нему как к «простой мухе»⁴. Отсутствие уважения к «маленькому человеку» объясняется иерархичным устройством российского общества и особыми психологическими чертами, которые вырабатываются у его членов: Акакий Акакиевич занимает одну из низших ступеней в табели о рангах: он «вечный титулярный советник» [Там же: 141], – представитель IX класса. «Чин этот

³ «Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его и никогда не было» [Гоголь: 169].

⁴ Собакевич в «Мёртвых душах» говорит о людях: «мухи, а не люди» [Гоголь: 103].

многим кажется совершенно ничтожным», – пишет Ю.А. Федосюк. Однако чин был и не столь мал. Проблема в том, что путь к следующему чину VIII класса, дающему право на потомственное дворянство, преодолеть безродному чиновнику было чрезвычайно трудно, поэтому «титулярный советник» нередко оставался «вечным» (см.: [Федосюк]).

Конфликт, реализуемый в повести, определен как социальной природой общества, так и характером и поведением Башмачкина.

Автор показывает преобразование не «очень замечательного» героя [Гоголь, 1938: 141], человека-мухи в связи с появлением необходимости / «идеи» приобретения новой шинели. Эта поначалу пугающая, неожиданно ворвавшаяся в жизнь «идея» словно пробуждает Акакия Акакиевича: он «сделался как-то живее, даже тверже характером <...> С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность» [Там же: 154–155]. В его голове «мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли точно куницу на воротник» [Там же: 155]. Лишения, которые терпит Акакий Акакиевич ради шинели, напоминают аскезу: герой «совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели» [Там же: 155]. Обретение вещи делает существование героя «как-то полнее» [Там же: 154]; вещь оказывается способной заменить в жизни одинокого чиновника самое естественное, человеческое... жену, семью: «как будто бы он женился, как будто <...> какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу» [Там же: 154].

Несомненно, художественная стратегия Гоголя предполагает очень сложную, неоднозначную реакцию читателя на образ Башмачкина, на его историю. Исследователи (в соответствии с гоголевским текстом) пишут о рождающемся чувстве жалости к герою. Однако исключительно жалостью ни читательская реакция (ни, стоит полагать, авторская) не исчерпывается. Весьма существенно, что «Шинель» пишется параллельно с поэмой

«Мёртвые души». Здесь можно еще раз обратиться к отмеченному уподоблению Акакия Акакиевича мухе. В «Мёртвых душах» это уподобление раскрывает сущность «образа чиновника» вообще: на балу у губернатора чиновники «чёрные фраки» мелькают и носятся, как «носятся мухи» [Гоголь, 1938: 14]; в отношении к подчинённым начальник – Прометей, если же человек «чуть немного повыше его, с Прометеем сделается такое превращение <...>: муха, меньше даже мухи» уничтожится «в песчинку» (см.: [Там же: 143]), – подмечает Гоголь. «Одно значительное лицо», к которому обращается Башмачкин после пропажи шинели как раз превращается из «мухи» в «Прометея»: недавно сделавшись значительным лицом, он велит Акакию Акакиевичу подождать, «чтобы показать приятелю <...> сколько времени чиновники дожидаются у него в передней» [Там же: 164].

Данный контекст принципиально приравнивает героя к его обидчикам, или обидчиков к герою. Акакий Акакиевич – «маленький человек», но он не лучше и не хуже своих сослуживцев. *Главное в том, что они такие же.* Герой не обращает внимания на издевательства в департаменте, только «если уж слишком была невыносима шутка», он произносит: «оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» [Там же: 143]; в этой фразе звучат другие слова: «я брат твой» [Там же: 144]. Прежде всего они вызывают жалость к герою и, казалось бы, должны принципиально отделить его от обидчиков. Именно здесь автор говорит о том, что в человеке «много бесчеловечья» и «свирепой грубости» [Там же: 144]. Однако эти слова относятся и к обижающим, и к Башмачкину. Конфликт повести продолжен в фантастическом финале повести: в своеобразном аналоге житейным посмертным «чудесам» проявлен бунт героя, жаждущего возмездия обидчикам. Перед нами, действительно, «антижитие»⁵, перевернутый текст, рассказывающий о перевернутом мире.

⁵ Вопросу воплощения житейной традиции в повести «Шинель» Н.В. Гоголя посвящены следующие работы: Дилакторская О.Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя. Владивосток. 1986. Емец Д.А. Житейные традиции в повести Гоголя «Шинель» [Электронный ресурс] URL: <http://www.literatura1.narod.ru/texts2/akakij.html> (дата обращения: 28.05.2018).

Психологемы, заключенные в имени, тоже переворачиваются. «Незлобный» оказывается «злобным», «добрый» – «злым», «невинный» – «виновным», «тихий» – «бунтующим», «мстительным» и «гордым». «Аскеза» и «духовность» предстают как подменные, связанные исключительно с осуществлением «идеи» вещи – «шинели» (отсюда неслучайность названия повести). Чичиков так же жил в «долговременном посту» до счастливой случайности: пока он не попал в «комиссию для построения какого-то казенного весьма капитального строения» [Гоголь, 1938: 232]. Здесь только «стал Чичиков понемногу выпутываться из-под суровых законов и неумолимого своего самоотверженья» и вдруг «оказалось, что он всегда не был чужд разных наслаждений, от которых умел удержаться в лета пылкой молодости» [Там же]. Стремление Чичикова к «комфорту» всегда было в нём, и как только обстоятельства складываются благоприятным образом, герой «заводит довольно хорошего повара, тонкие голландские рубашки» [Там же]. История, рассказанная в «Шинели», вполне могла бы стать одной из глав «Мёртвых душ», поскольку Акакий Акакиевич Башмачкин, по сути, является двойником героев этой поэмы.

Зырянов О.В. Кто вышел из гоголевской «Шинели»? // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2002. Вып. 5. №24. С. 123–143.

Кривонос В.Ш. «Бедный Акакий Акакиевич» (об идеологических подходах к «Шинели» Гоголя) // Вопр. литературы. 2004. №6. С. 139–156.

Терещенко С.О. Житийная традиция в повести Н. В. Гоголя «Шинель»: диалог интерпретаций // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. С. 108–111.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

При рассмотрении темы «маленького человека», особое внимание стоит уделить конфликту между героем и социумом. Это сюжетопорождающий конфликт. Именно жестко иерархическое устройство общества формирует тип «маленького человека». Герой занимает одну из самых нижних ступеней социальной лестницы, а потому он унижен, осмеян, изгнан и т. п. История о «маленьком человеке» – это всегда «история обиды, оскорбления и несчастья» [Манн, 1987: 207–208]. Маленький масштаб персонажа выявляется в присутствии того, кто числится выше в табели о рангах, – «значительного лица». В этот момент герой ясно осознает, что он «маленький человек», и испытывает «надлежащую робость» [Гоголь, 1938: 166].

Собственно, «маленький человек» и «значительное лицо» – антагонистическая пара, наличие которой является основой повествования. Без «значительного лица» нет и «маленького человека».

«Значительных лиц» множество, в повествовании они могут варьироваться, выступать не в единственном числе. То же самое следует сказать и о «маленьком человеке». Самсон Вырин – один из «станционных смотрителей», один из стоящих на нижней ступени длинной чиновничьей лестницы. Его двойником является и повествователь, титулярный советник А.Г.Н., находящийся «в мелком чине». Он признается, что вследствие этого даже смотрители с ним «не церемонились» [Пушкин, 1960: 87]. Для символического выражения типичной ситуации А.С. Пушкин избрал фигуру проезжающего генерала и «дрожащего» смотрителя. Аналогично поступает и Гоголь. Такие социальные взаимоотношения – унижающие человеческое достоинство, потенциально конфликтные – оформлены в виде «общеудобного правила: *чин чина почитай*» [Там же: 88] (Курсив автора).

Самсон Вырин открывает череду «маленьких людей». Первоначальное описание героя дано в идеальном ключе, отчасти в духе агиографической

терминологии: он из числа «мирных, от природы услужливых, склонных к общежитию, скромных в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивых» [Пушкин, 1960: 87], из тех, чья служба – мученичество. Он «добрый» [Там же: 92], его жилище названо «смиренной, но опрятной обителью» [Там же: 88]. Не случайно и то, что повествователь называет Вырина «старым солдатом» [Там же: 93] и упоминает о его сюртуке «с тремя медалями на полинялых лентах» [Там же: 89]. Ясно, что в недавней войне с Наполеоном Вырин проявил себя как храбрый воин. В национальной культуре образ воина, защищавшего отечество, имеет сакральное значение. «Воин и монах объединены общей функцией воинствования. Оба они “воины Христовы”» [Васильев, 2005: 100].

Если история Башмачкина неотрывна от повествования о шинели, то история Вырина сплетена в единое целое с повествованием о его дочери, Дуне. Ее начальная характеристика дана в словах отца: «такая разумная, такая проворная, вся в покойницу мать» [Пушкин, 1960: 88]. В данном случае автор очень скуп в обрисовке характера Дуни. По всей видимости, дело не в том, что мы сталкиваемся с типичной чертой прозы А.С. Пушкина, – здесь он подбирает слова очень продумано. Дуня – замечательная помощница отцу. В этом отношении она, действительно «разумная» и «проворная». Однако эти характеристики могут наполняться и множеством других значений.

Создав в «Полтаве» эротический портрет исключительной красавицы (дочери Кочубея) Марии, А.С. Пушкин завершает его словами:

«Но не единая краса

(Мгновенный цвет!) молвою шумной

В младой Марии почтена:

Везде прославилась она

Девницей *скромной и разумной*» [Пушкин, 1960. Т.3: 194].

«Она очень понятлива и, кажется, будет хороша собою. *Но что в красоте? была бы добра и разумна, тогда верно будет и счастлива*»

[Пушкин, 1960. Т.5: 529] (Курсив наш. – С.К.). Эти слова вложены А.С. Пушкиным в уста Анны Гарлин (героини неоконченной повести «Марья Шонинг»). Женщина говорит о своей четырехлетней дочери, Мине).

Если Дуня «разумная» и проворная», то в этих случаях мы находим иные сочетания: «скромная и разумная», «добра и разумна». Разум здесь не только ограничен, но и наполнен высокими духовными качествами – скромностью и добротой. И все вместе противопоставлено *красоте и несчастью*. «Проворным» же можно назвать и плута (см.: [Даль, 1882: 491]).

Взгляд повествователя на Дуню существенно дополняет ее портрет. «Красота ее меня поразила», – признается он [Пушкин, 1960: 88]. И далее: «*Маленькая кокетка* со второго взгляда заметила впечатление, произведенное ею на меня; она потупила большие голубые глаза; я стал с нею разговаривать, она отвечала мне безо всякой робости, *как девушка, видевшая свет*» [Там же: 89] (Курсив наш – С.К.). Это сказано о четырнадцатилетней девушке. При отъезде «в сени» (т. е. не глазах отца) Белкин просит «разрешения ее поцеловать; Дуня согласилась...» [Там же].

В самом начале своего рассказа автор вводит в повесть евангельскую притчу о блудном сыне. Она настраивает читателя на определённые ожидания, вкупе же с характеристикой Дуни – на ожидания очень тревожные. Одна из картинок, рассматриваемая повествователем в жилище зрителя, «яркими чертами» изображает «развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами» [Там же: 88].

Повествование строится так, что уже с самых первых страниц читатель должен ожидать катастрофы в семействе Самсона Вырина. Именно *красота, кокетство* и определенный опыт общения мужчинами («*видевшая свет*»), о котором не знает отец, – мотивы, движущие повествование к этой катастрофе. И она происходит, хотя и не прямо по намеченному сценарию.

Дуня плачет, но уезжает с Минским кажется «по своей охоте» [Пушкин, 1960: 93]. В этой истории следует также отметить духовную несостоятельность отца, его странную слепоту в отношении к дочери. То, что с первых минут заметил в Дуне случайный заезжий, отец почему-то не замечал совсем.

Мера А.С. Пушкина высока. Она такая же, как и у Ф.М. Достоевского или Л.Н. Толстого. Духовные изъяны всегда сказываются в судьбе человека. Таким образом, на социальный конфликт в пушкинской повести наложена еще и семейная драма, обусловленная природой характеров отца и дочери. На свою дочь Вырин смотрит с видом «довольного самолюбия» [Там же: 88]. В сюжете И.С. Тургенева появление фразы с подобным смыслом достаточно для того, чтобы далее последовали события, разрушающие начальную ситуацию. То же самое мы видим и у А.С. Пушкина.

Вопреки законам развития сюжетной схемы о блудном сыне, мы не видим Дуню стоящей «на коленях», в позе покаяния перед живым отцом. А.С. Пушкин, действительно, ломает все схемы. В конце истории «заблудшая овечка» возвращается к отцу, но на его могилу. Она долго лежит на ней, – это покаяние перед мёртвым. Финал жизнеописания Дуни открыт, читатель может даже полагать, что она счастлива, что ее похититель не оказался «ложным другом».

В.И. Тюпа акцентирует внимание на образе мальчика, проводившего повествователя на могилу Самсона Вырина, называя его «проводником Белкина в стране мертвых» [Тюпа]. Обладающий признаками демона «рыжий и кривой» [Пушкин, 1960: 96], мальчишка радостно вспрыгивает на могилу смотрителя. Это плохой знак. Ничто не мешает прочесть его как проклятие и связь покойника с загробным демоническим пространством. Тем более что в конце жизни Вырин связан с локусом кабака, а не храма.

Аналогичные смыслы реализованы Н.В. Гоголем в «Шинели». Акакий Акакиевич также заявлен в начале повести как положительный герой (через

мифологему имени: «незлобный, добрый, невинный, простодушный», «тихий»). Однако он оказывается носителем той же внутренней сущности, что и его обидчики. Н.В. Гоголь приравнивает Башмачкина к его коллегам, как и к чиновникам-мухам из «Мёртвых душ». Чиновничье братство осмеяно автором. Обитатели российских канцелярий и кабинетов бесчеловечны, духовно мертвы. Существенно, что контекст поэмы «Мёртвые души» позволяет «расширить» историю о Башмачкине, глубже понять образ-характер героя. Как и Чичиков, он представитель антимира. Если для Н.В. Гоголя духовное возрождение героя связано с обращением к Богу, то существенно, что Акакий Акакиевич ни разу не был в церкви. (В отличие от Самсона Вырина, который хоть однажды, но служит молебен у Всех Скорбящих.) Его аскеза, духовность, дерзость и отвага оказываются значениями с перевернутым смыслом. В финале антиприрода персонажа проявляется окончательно.

Если кто и испытывает подлинную жалость к Башмачкину как к «брату», то это автор. Чувство жалости он стремится вызвать и у читателя. В том числе словами, заключающими историю земной жизни героя. «Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его и никогда не было. Исчезло и скрылось *существо* никем не защищенное, *никому не дорогое*, ни для кого не интересное» [Там же: 169] (Курсив наш – С.К.).

ГЛАВА 2. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТИП «ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА»

2.1. К истолкованию понятия «тип “лишнего человека”» в критике и литературоведении

В русской литературе 20–70-х гг. XIX века ведущим литературным типом становится «лишний человек». А.И. Герцен и В.Г. Белинский свидетельствуют о его соответствии эпохе: «Онегины и Печорины были совершенно истинны, выражали действительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни» [Герцен, 1958: 118], «в “Онегине” он [А.С. Пушкин] решился представить нам внутреннюю жизнь этого [дворянского] сословия, а вместе с ним и общество в том виде, в каком оно находилось в избранную им эпоху, то есть в двадцатых годах текущего столетия» [Белинский, 1844]. Проблема определения, описания и оценки данного типа занимает важное место в отечественных исследованиях.

Ю.В. Манн дает объяснение термину: «“Лишний человек” социально-психологический тип, запечатленный в русской литературе первой половины 19 века; его главные черты: отчуждение от официальной России; от родной среды (обычно дворянской), чувство интеллектуального и нравственного превосходства над ней и в то же время – душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад слова и дела» [Манн, 1987: 204]. Для такого рода героя характерно не просто отчуждение от среды, оно доходит до полного отрыва, выпадения из неё.

История «лишнего человека» начинается с «саморазвенчания» [Лаврецкий, 1932: 518]. Первоначально «лишние люди» – герои, представляющие прослойку дворянства, «чуждую каких-либо исторических перспектив, обреченную на вымирание» [Там же]. «Лишний человек» принадлежал деградирующей прослойке дворянства, которая вследствие своей полной хозяйственной несостоятельности была неспособна

обуржуазиться – в этом главная проблема, считает А. Лаврецкий (см.: [Лаврецкий, 1932: 519]). «“Лишний человек” появляется в результате задержки того процесса превращения дворянства в буржуазию, в котором Белинский видел залог гражданского развития России. От 20-х до 60-х годов существование “лишнего человека” обуславливается <...> противоречиями между теми элементами русского дворянства, которые могли использовать государственную власть как свое орудие, и элементами прогрессивными, но слабыми» [Там же: 518]. В условиях резко изменившейся экономической ситуации (бурный рост цен на хлеб в 1813–1817), которая обуславливала прогрессивность дворянства (его стремление перейти к капиталистическому хозяйству), а также политической депрессии на сцену выступало новое поколение – «безвременья» (см.: [Лаврецкий, 1932: 523]). «Лишний человек» – человек, не несущий никакой положительной общественной функции, совершенно не воздействующий на социум. «Лишние люди» не знают, куда следует идти. Из-за этого отсутствия убеждений они и являются людьми «абсолютно лишними, абсолютно ненужными, неспособными к положительному воздействию на окружающую среду» [Там же: 524].

Помимо внешних предпосылок возникновения подобного литературного типа существуют и внутренние: это характерная «чрезмерная фиксация сознания на самом себе», которая «погружает человека в призрачный мир» [Там же]. Такой «разрыв сознания и воли выражается в “деятельности без всякой цели” и мышлении, не осмысливающим деятельности, не направляющем ее к положительной цели» [Там же]. Самосознание «лишнего человека» наивно-реалистично, фантастично, оно «провоцирует на ряд эксцентричностей» [Там же]. Герой «теряет всякие критерии реальности и не способен отличать ее от игры» [Там же]. В конце концов, он «перестаёт верить в действительность какого бы то ни было своего чувства и мысли» [Там же: 524–525].

Термин «лишний человек» вошел во всеобщее употребление в 1850 году после появления «Дневника лишнего человека» И.С. Тургенева, в котором его герой, Чулкатурин, говорит: «я был совершенно *лишним человеком* на сем свете» [Тургенев, 1980. Т.4: 172] (Курсив наш – С.К.), «*лишний...* Отличное это придумал я слово», «про меня ничего другого и сказать нельзя: *лишний – да и только*» [Там же: 173] (Курсив наш – С.К.), однако тип этого героя сложился гораздо раньше, создав типологический ряд: Чацкий – Онегин – Печорин – Бельтов – Чулкатурин – Алексей Петрович С... – Рудин – Лаврецкий и пр., пр.

Образ «лишнего человека» «претерпел несколько этапов в своем развитии: в 10-е годы появился грибоедовский Чацкий, который был “лишним” в фамусовском обществе; в 20-е годы – Онегин из одноименного романа А.С. Пушкина с его “скептической потерянной” (А.И. Герцен), разочарованностью, рефлексией. В 30-е годы был создан портрет героя своего времени Печорина, в 40–50-е – Рудина и Бельтова. За это время уже четко определилось главное в “лишнем человеке” – особая интенсивность идейных, духовных и нравственных исканий» [Фесенко: 72]. Значимым в теме «лишнего человека» стал «отказ от морализаторских установок во имя беспристрастного анализа, отражения диалектики жизни», интерес к «истории души человеческой» [Манн: 401].

А.С. Семенова рассматривает героя 1810–1870-х гг. как представителя дендизма. В творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова автор видит начало данного социокультурного явления. Она утверждает, что в первый период развития «русский дендизм тесно связан с романтизмом», в творчестве Пушкина «наблюдается возникновение характерных для русской традиции дендизма черт», а у Лермонтова происходит «синонимизация дендизма и демонизма» [Семенова]. Исследователь утверждает, что «денди свойствен консерватизм по отношению к созданному им самим и революционность по отношению к эпохе» [Семенова].

В творчестве А.С. Пушкина появляется «первый яркий образ “человека непохожего”, человека, противопоставившего себя ряду ценностей традиционной культуры – Евгения Онегина» [Беляев], – пишет Д.А. Беляев. По словам исследователя, герой «нарочито фиксирует свою социально-этическую отличность, верховенство перед людьми “старой формации”» [Там же]. Он «идейно независим, циничен и нигилистически настроен по отношению к традиционной культуре – некоторым этическим нормам, традициям, обычаям» [Там же]. Герой отвергает традиции, пытаясь найти новые пути жизни. «Высшей точкой самоидентификации нигилистической инаковости» для Д.А. Беляева является «отвержение душевной человеческой теплоты»: любви Татьяны, убийство друга [Там же]. Автор считает, что Евгений Онегин, в конце концов, понимает, что есть счастье: это «подчинения собственного Я Другому» [Там же].

Печорин (как и Онегин), по мнению Д.А. Беляева, обладает «над-стандартно-человеческим статусом» [Там же]. У него «наблюдается перманентный скрытый конфликт с обществом», «желание “убежать” от себя» [Там же], кроме того, герой «существовал в рамках фатальной, бытийной неизбежности» [Там же].

А.А. Аникин отвергает принадлежность Онегина к «лишним людям», защищая героя и полагая наличие у него глубокого характера: «Нельзя в Онегине душевное состояние тоски, скуки, разочарования, тяготящие героя ряд жизненных заблуждений и ошибок, отвращение к свету, к общению воспринимать как судьбу “лишнего человека”» [Аникин]. В качестве «лишнего человека» автор рассматривает Владимира Ленского, а в «Герое нашего времени» предлагает на это место поставить Грушницкого, так как в Печорине «как и в Онегине, не будет ничего “лишнего”, кроме его ухода от общественного поприща» [Там же]. И Онегин, и Печорин, по мысли Аникина, принимают этот мир, а потому не могут быть «лишними людьми». «Печорин, словно проклятие, несет свою судьбу» [Там же]. Герой принимает

свой путь, т. е. «русский реализм в своей идее отрицает “лишнего человека” как категорию, но весьма широко представляет картину и происхождение подобного характера именно как человеческого заблуждения». «“Лишний человек” не может быть “лишним” целиком» [Аникин].

В.П. Даниленко называет тип «лишнего человека» «неприкаянным». Герой «ищет, но не находит высокого смысла своей жизни» [Даниленко, 2013: 228]. Вопрос «Зачем?» в России «заканчивался для многих ничем иным, как неприкаянностью» [Там же: 230]. По Н.А. Добролюбову, «все герои замечательнейших русских повестей и романов страдают оттого, что не видят цели в жизни и не находят себе приличной деятельности» [Добролюбов, 1974]. В.П. Даниленко резюмирует мысль критика: «В основе духовной неприкаянности лежит *безуспешный поиск смысла жизни*» [Даниленко: 237] (Курсив наш – С.К.).

В.Н. Порус видит в «лишнем человеке» «расщепление личности: мысль оказывается бесплодной, а жизнь – безнадёжной» [Порус, 2014: 115]. Противоречие между «гипертрофированным стремлением к свободному целеполаганию и осознанием непреодолимости Судьбы, низводящей тягу к “воле” до бессмысленного бунта» – это «симптом вырождения культуры, превращения культурных *ценностей* в “симулякры”» [Там же] (Курсив наш – С.К.). Для раннего героя, например, Печорина «главное противоречие – не между Богом и Дьяволом, а между своей волей и Роком» [Там же]. Исследователь рассматривает тип «лишнего человека» на примере Печорина. Он констатирует: Печорин не находит счастья в жизни, игра с Судьбой не приносит герою радости, он – «несмешная пародия на Демона» [Там же: 120]. От несчастной жизни его избавляет только подвернувшаяся кстати смерть. У героя «несчастное сознание» [Там же]. «Печорин в каком-то смысле более уродлив, чем окружающие его люди» [Там же: 122]. «Каково время, таков и его “герой”» [Там же: 121], – полагает В.Н. Порус. «Цена

несостоявшегося прорыва – впустую растроченная жизнь» [Порус, 2014: 123] – вот результат, к которому приходит герой, считает исследователь.

«Лишний человек» 1840-х гг. – по преимуществу идеолог. Его мысль «все более и более обращается к социально-политическим задачам, среди которых отмена крепостного права и освобождение от гнета николаевского режима занимает центральное место» [Лаврецкий, 1932: 525]. Тоска «лишних людей» была вызвана двумя причинами: во-первых, несоответствием политической надстройки изменившейся хозяйственной базе, задержкой назревшего процесса капитализации, перерождения дворянства, невозможностью приложения своих сил для наиболее передовых элементов класса (см.: [Лаврецкий, 1932: 529]). Вторая причина заключалась в том, что герои «полны чувства упадка своего класса как такового» [Там же: 530].

«Лишний человек» 1840-х «стремится к действию, жаждет перемен, психически подвижен, много и напряженно, мучительно думает, сопоставляет свои личные переживания и поступки с высшими принципами, казнит себя за несоответствие того и другого» [Там же].

К середине 1850-х годов XIX века «лишний человек» из «байронического героя» становится «разочарованным аристократом», «теряя черты таинственной исключительности и неповторимости» [см.: Фесенко, 2013: 75]. «Черты духовного облика “лишнего человека” усложнялись. Все чаще писатели в русском обществе не сводили его трагедию только к неспособности активных действий, к “обломовщине”» [Там же: 78]. Исследователь отмечает в сложившемся литературном типе «черты байронического героя, нигилиста и сверхчеловека» [Там же: 79].

«Мысль – главный нерв этого образа, в котором негативное начало было сильнее положительного: этот герой – апофеоз скептического ума. Объединяла “лишних людей” и их неспособность любить, обреченность увлечений по причине того, что их рефлектирующий ум всегда превалировал

над проявлениями их сердца: они сознательно уходили от любви и обрекали себя на одиночество» [Фесенко, 2013: 75].

В связи с произведениями И.С. Тургенева возникает полемика вокруг типа «лишнего человека». Тургеневский герой – более поздний по отношению к Чацкому, Онегину, Печорину и Бельтову. Это «“лишний человек” из неуклонно распадающейся прослойки мелкопоместного дворянства, уже порывающий связь с хозяйством и землей, но сохранивший все те черты, которые созданы усадебным воспитанием» [Лаврецкий, 1932: 526]. Социальная функция героя – «просвещать среднее дворянство и тем самым развивать его самосознание как прослойки дворянского класса со своими особыми интересами и соответствующей идеологией» [Там же]. Этот герой, «представляющий наиболее передовой и культурно-влиятельный слой периферии класса, обречён на бесприютное скитальчество, бесплодную трату сил» [Там же]. По мнению Н.А. Добролюбова, у «лишних людей» нет святости, всё у них «внешнее, ничто не имеет корня в их натуре» [Добролюбов]. Страх перед крестьянской революцией обуславливал непродуктивность, невозможность проявления своих сил. Э.Я. Фесенко считает: «лишний человек», как и «маленький человек», «несоразмерен миру» [Фесенко, 2013: 73]. По мнению А.А. Аникина, «лишний человек» в какой-то мере даже противоположен изображению «маленького человека»: «“лишним” оказывается сам обличитель своих ближних. <...> По своему духу это совершенно *антихристианское побуждение*» [Аникин] (Курсив наш – С.К.).

Л.М. Лотман отмечает появление «лишнего человека» как «Гамлета», «маленького человека»: «к концу 40-х–началу 50-х годов Тургенев ввел в литературу весьма значительный образ русского провинциального Гамлета, маленького человека, эгоиста, наделенного непомерным самомнением, но вместе с тем и незаурядной способностью честно мыслить, отдаваться

анализу, критически исследовать себя и окружающую среду. Развитием “русского Гамлета” явился “лишний человек”» [Лотман].

Почему в этом контексте возникает фигура Гамлета? Ю.Д. Левин пишет, что «в России гамлетизм как форма общественного сознания возник в мрачную эпоху николаевского царствования, отражая трагическое противоречие между духовными запросами и стремлениями передовой части общества и ее политическим бесправием» [Левин, 1980: 510]. И.С. Тургенев в статье «Гамлет и Дон Кихот» объясняет гамлетизм не с социальной точки зрения, а с психологической, внутренней. Писатель разделяет два противоположных характера, утверждая, что «в этих двух типах воплощены две коренные, противоположные особенности человеческой природы – оба конца той оси, на которой она вертится» [Тургенев, 1980. Т.5: 331]. Так, Дон-Кихоту, верующему в «нечто вечное, незыблемое, в истину» [Тургенев, 1980: 332], противопоставлен Гамлет, который представляет собой прежде всего «анализ и эгоизм, а потому безверье» [Там же: 333], он – скептик, «живет для самого себя», «вечно возится и носится с самим собою» [Там же]. Он тщеславен и в то же время «с наслаждением, преувеличенно бранит <...>, презирает самого себя» [Там же]. Гамлет страдает, «сам наносит себе раны, сам себя терзает» [Там же: 334]. Он любит жизнь, привязан к ней, но думает о самоубийстве (см.: [Там же]). Хотя это человек мыслящий и образованный, жизнь его проходит без дела: Гамлеты «бесполезны массе» [Там же: 337], потому они не оставляют следа на Земле, так как «ничего не находят, ничего не изобретают» [Там же: 338]. Гамлет бессилён полюбить, он «не любит и не верит» [Там же]. Он – «выражение коренной центростремительной силы природы, по которой всё живущее считает себя центром творения и на всё остальное взирает как на существующее только для него» [Там же: 341]. При случае он «коварен и даже жесток» [Там же: 345]. С Гамлета начинается безверие, зло: «в нём воплощено начало отрицания» [Там же: 339], которое «не сомневается во

зле» [Тургенев, 1980: 340]. Таким образом, это воплощение демонического начала: «Гамлет тот же Мефистофель» [Там же].

А.А. Аникин описывает тип «лишнего человека» на основании характера героя, давшего название типу, – образа Чулкатурина из повести И.С. Тургенева «Дневник лишнего человека». Исследователь считает, что у героя заурядная судьба, «почти заоблачная для “маленького человека”» [Аникин]. Всё дело же заключается в мироощущении себя как «лишнего», во внутреннем убеждении героя. «Стержень этого убеждения – мысль о смерти, беспросветной, нехристианской, уничтожающей смерти» [Там же]. Это образ «маргинального героя, который и не рад жизни, и хочет чего-то большего, и винит во всем сначала жизнь, а потом свое неумение жить» [Там же]. По мнению А.А. Аникина, для характера «лишнего человека» будет определяющим «нежелание принять свою судьбу», «неспособность ее преодолеть» [Там же].

В «Дневнике лишнего человека» представлен «алгоритм “лишнего человека” в завершенном, вызревшем состоянии», и он сосредоточен «в сугубо внутренних рамках мироощущения. Мотив “ЛЧ” – требовательно ждать от жизни чего-то неоправданного, чрезмерного» [Аникин]. Мотив смерти – это «пик развития темы, но поначалу герою было достаточно просто картинно удалиться, неизвестно куда исчезнуть» [Там же].

Общее понимание темы «лишнего человека» таково: она «держится на взаимной отверженности мира и человека: герой обличает пустоту мира, мир открывает *пустоту героя* и ведет его к уничтожению» [Там же] (Курсив наш – С.К.). Кроме того «“Лишний человек” *не существует без ненависти*» [Там же] (Курсив наш – С.К.).

По мнению Э.Я. Фесенко, с Чулкатурина начинается «дорога к принципиально иному герою – Парадоксалисту Ф.М. Достоевского, в котором холодная наблюдательность осложнена больным самолюбием, разъеденным рефлексией и доводящим человека до предельной

озлобленности на весь мир и на себя самого. В этом смысле Чулкатурин действительно соединяет Онегина, Печорина, Рудина с позднейшими героями Достоевского» [Фесенко, 2013: 75].

С.Н. Трубецкой подчёркивает связь двух писателей: «Тургенев впервые отметил появление лишнего человека, Достоевский показал, какое пакостное дрянное и вредное маленькое животное может жить иногда в такого рода субъектах, как безмерно их самолюбие, как растёт их жестокий, чудовищный эгоизм (“Записки из подполья”» [Трубецкой, 1907: 372].

Основными признаками литературного типа «лишнего человека» Аникин называет отсутствие семьи, плохие отношения с родителями, несчастье в любви, маргинальное положение в обществе, незавершенное или несистематическое образование, кризис религиозности, но «сохранение памяти о религиозных понятиях, часто борьба с церковностью, но и скрытая неуверенность, привычка к имени Божьему» (см.: [Аникин]), «претензия быть судьей и даже вождем своих ближних», «оттенок ненависти», дар красноречия, «умения в письме»; развитый внутренний мир, «лихорадочный и населенный химерами» [Там же].

«“Небо” закрыто для “лишнего человека”. Поверхностность, неразвитость сознания, но не глупость – это уже свойства “лишнего человека”» [Там же]. Ещё одно из свойств «лишнего человека» – «зависимость от других, которую он отрицает на словах, гнетет его» [Там же]. Главной чертой «лишнего человека» становится именно «непонимание самого себя и своих ближних, все заслоняет напыщенное “Я” и обличения, обращенные к другому» [Там же]. «“Лишним” героя делает собственная неустроенность, незрелость и требование своего авторитета среди ближних. “Лишний человек” нетерпелив, всегда резко и порой неожиданно устремляется к развязке, к уходу. “Уход” – это единственный содержательный акт “лишнего человека”» [Там же]. «Лишние люди» «все равно несостоятельны пред силою враждебных обстоятельств, все равно

погружаются в ничтожество, когда им предстоит настоящая, серьезная деятельность» [Фесенко, 2013: 77].

2.2. К интертекстуальности характеристики образа-характера «лишнего человека

Когда речь заходит о некоем типе, модели построения образа, или комплексе мотивов, непременно возникает необходимость обращения к культурному контексту. Герой, наделённый определёнными чертами и (частично) совпадающий по своим характеристикам с героями других произведений, не существует вне контекста. В данном случае текст соотносится с уже существующими текстами одного или разных писателей. Такие отношения (между текстом и другими текстами) являются *вертикальными* или *парадигматическими*, – так их определяет Ю. Кристева, противопоставляя другим отношениям, имеющимся между текстом и адресатом: *синтагматическим* и *горизонтальным* (см.: [Кристева, 1993: 429]). Бахтин подобные оси называет *диалогом* и *амбивалентностью* соответственно (см.: [Бахтин]⁶). Объясняя бахтинское понятие «амбивалентности», Ю. Кристева пишет: «всякое письмо есть способ чтения совокупности предшествующих литературных текстов, всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону» [Кристева: 432]. «Выражение “амбивалентность” предполагает факт включенности истории (общества) в текст и текста – в историю» [Там же]. Ю. Кристевой рассматривается проблема текста как динамики, в котором «литературное слово» понимается «не как некая точка (устойчивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей, как *диалог* различных видов письма –

⁶ «Стенограмма гуманитарного мышления – это всегда стенограмма диалога особого вида: сложное взаимоотношение *текста* (предмет изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего *контекста* (вопрошающего, возражающего и т. п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого. Это встреча двух текстов – готового и создаваемого реагирующего текста» [Бахтин, 1979: 285. Курсив автора].

самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим *культурным контекстом*» [Там же: 428] (Курсив наш – С.К.). На основании данного замечания исследователь утверждает, что «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст – это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста» [Там же: 429], впервые предлагая использовать в подобной ситуации понятие «интертекстуальности» (см.: [Там же]). Ю. Кристевой интертекстуальность определяется как «межтекстовый диалог» [Там же: 435].

Именно «*мотивы* относятся к некоему общему слою культуры и часто не имеют какого-либо конкретного авторства, они путешествуют из текста в текст и являются *носителями общего для культуры символизма* <...> Речь, по существу, идет о некоторых стержневых для культуры символах, без которых тексты не могут эффективно осуществлять производство смысла» [Ямпольский, 1993: 18] (Курсив наш – С.К.).

Сама по себе идея интертекстуальности в общем смысле – это «простая и даже банальная констатация того факта, что любой текст пребывает в окружении множества предшествующих ему произведений» [Пьеге-Гро, 2008: 48]. «Интертекстуальность, таким образом, – это устройство, с помощью которого один текст перезаписывает другой текст, а интертекст – это вся совокупность текстов, отразившихся в данном произведении» [Там же].

Нами будут рассмотрены произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и И.С. Тургенева как единый интертекст о «лишнем человеке».

Евгений Онегин и Григорий Печорин – начальные представители литературного типа «лишнего человека». Их сущность заключается в отрицании традиционных ценностей: их самоидентификация происходит за счёт отвержения веры, любви, дружбы и т. д. [Беляев].

Они аристократы, весьма обеспеченные люди. Онегин получает наследство от дяди и становится владельцем «заводов, вод, лесов, земель» [Пушкин: 32]. Печорин имеет состояние, он – «богатый человек»: «сколько у него было разных дорогих вещиц!..» [Лермонтов, 1962]. Чулкатурин – тоже «родился <...> от довольно богатых помещиков» [Тургенев, 1980. Т.4: 166], но потом он живёт в «чистенькой бедности» [Там же: 172].

Примечательно, что Онегин не связан со службой. Ю.М. Лотман отмечает, что этот факт делает его «белой вороной в кругу современников», бросает на героя «сатирический отсвет» [Лотман, 1983: 49]. Печорин, в отличие от своего двойника, находится на военной службе, в этом отношении он типичен.

Повседневность Онегина проходит бесцельно, в лени: «Бывало, он еще в постеле: / К нему записочки несут» [Пушкин, 1960: 16], до обеда герой гуляет по бульвару, а к вечеру делает визиты или посещает театр. День Онегина начинается после полудня, а кончается ближе к рассвету: он живёт «...утро в полночь обротя» [Там же: 25]. Жизнь героя «однообразна и пестра, / И завтра то же, что вчера» [Там же]. Как отмечает Ю.М. Лотман, обычный день Евгения Онегина ничем не отличается от повседневной жизни аристократа первой трети XIX века: день «начинался с вечера и кончался в утренних сумерках» [Лотман: 517]. Онегин приезжает в деревню, поначалу сельская новизна ему нравится: он «...очень рад, что прежний путь / Переменил на что-нибудь» [Пушкин, 1960: 32]. «Два дня ему казались новы / Уединенные поля, / Прохлада сумрачной дубровы, / Журчанье тихого ручья» [Там же]. Однако очень скоро герой понимает, «что и в деревне скука та же», «хандра ждала его на страже». Рисуя «внутренний» портрет Онегина Пушкин, создает основу образа-характера, психотипа героя, которого назовут «новым человеком» и который станет невероятно устойчивым в последующей литературе. Этот психотип рождается из духа уныния, хандры/сплина, тоски. Во время своего путешествия Онегин, «питая горьки

размышленья», восклицает: «Чего мне ждать? тоска, тоска!..» [Пушкин, 1960: 186]. Печорину тоже «стало скучно» после попыток выучиться и понимания, что славы добиться нелегко, а на Кавказе – «скучнее прежнего» [Лермонтов, 1962: 28]. Перед дуэлью Печорин говорит: «мне <...> порядочно уж скучно» [Там же: 97]. Герою скучно и с Бэлой и с княжной Мери. В.В. Набоков называет Печорина «скучающим чудачком» [Набоков]. Герою И.С. Тургенева тоже скучно, они тоскуют и хандрят: Чулкатурин: «и я могу скучать», «я чуть с ума не сошел от скуки» [Тургенев, 1980. Т.4: 176], Алексей Петрович: «мне скучно, <...> мне просто мочи нет как скучно» [Тургенев, 1980. Т.5: 25], рассказчик из «Гамлета Щигровского уезда» «в деревне скучал, как щенок взаперти» [Тургенев, 1980. Т.4: 266].

В деревне Евгений продолжает жить без цели: гуляет, обедает, иногда читает, развлекается игрой в бильярд. Герой «вдался в задумчивую лень» [Пушкин: 90]. «Онегин в деревне остается временным гостем, заезжим посетителем, проникнувшим в чужое пространство»⁷ [Лотман, 1983: 61], – констатирует Ю.М. Лотман. В конце романа Онегин не находит себе места и в Петербурге, здесь «для всех он кажется чужим» [Пушкин, 1960: 158]. Из “петербургского” героя он превращается в скитальца, для которого “своего” пространства нет вообще» [Лотман, 1983: 62]. Бесконечное скитальчество характерно и для Печорина. Эта черта объединяет героев с Демоном, тот тоже – вечный странник. Демон – прямой предшественник Печорина. Мотив странничества, более того – странничества-проклятия, которому часто предшествует преступление – один из составляющих образа «лишнего человека».

В романе И.С. Тургенева «Рудин» главный герой назван Вечным Жидом [Тургенев, 1980. Т.5: 321]. Развивая проблему изгойства⁸ такого типа героя в повести «Дневник лишнего человека» И.С. Тургенев дает предельно жесткую формулу: на появление «лишнего» «природа не рассчитывала»,

⁷ Его двойник, повествователь, напротив, был рожден «для деревенской тишины» [Пушкин: 33].

⁸ Данная черта характерна для Демона, он – «дух изгнания» [Лермонтов, 1955: 226].

Вселенная могла бы «без этих людей» обойтись [Тургенев, 1980. Т.4: 173]. Его «лишний человек» назван ещё и «сверхштатным», то есть находящимся абсолютно вне общества (см.: [Там же]).

Путешествие Онегина предстает как осуществление ухода, надежды на смерть: «Зачем я пулей в грудь не ранен?/ Зачем не хилый я старик?» [Пушкин: 186]. Печорин уповает на то же в путешествии: «авось где-нибудь умру на дороге» [Лермонтов: 28]. Его жизнь «становится пустее день ото дня» [Там же]. По определению Пушкина, это «преждевременная старость души» [Пушкин, 1960: 55]. В тургеневских произведениях такой герой находит выход или в скрытом / «сложном самоубийстве» – гибели на войне («Рудин»), или в прямом самоубийстве («Новь»).

Стороны характера Печорина раскрываются и через его двойников: он и Грушницкий «ищут смерти» (см.: [Лермонтов, 1962: 54, 97]). Они оба презирают себя и в то же время им свойственно сильное самолюбие. О Печорине и его друге, Вернере, воплощающем демоническое, мифистофелевское начало, сказано, что они «ко всему довольно равнодушны, кроме самих себя» [Лермонтов, 1962: 59]. Для них характерна весьма пугающая психологическая черта – желание смерти, своеобразная некрофилия: Печорин убежден, что «в один прегадкий вечер имел несчастье родиться» [Там же: 58]. Он видит исход в смерти: «может быть, я хочу быть убит...» [Там же: 101], «умереть так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно» [Там же 96], «я когда угодно готов подвергать себя смерти» [Там же: 95–96]. Мотив желания смерти сопутствует образу-характеру «лишнего человека». У И.С. Тургенева в «Дневнике лишнего человека» он развернут с необычайной психологической убедительностью: «хорошо отделаться наконец от томящего сознания жизни, от неотвязного и беспокойного чувства существования» [Тургенев, 1980. Т.4: 167]. Герой последнего тургеневского романа Нежданов

охарактеризован как человек, «которому было как-то приличнее умереть, нежели жить» [Тургенев, 1972: 379].

И.С. Тургенев и Ф.М. Достоевский назовут «нового человека» мертворожденным. Онегин и Печорин вполне обладают характеристиками, соответствующими данному определению. Об Онегине: «рано чувства в нем остыли», «ничто не трогало его» [Пушкин, 1960: 25], «к жизни вовсе охладел» [Там же: 126]. В его сердце – «одна суровость» [Там же: 174]. Его душа «холодная и ленивая» [Там же]. Евгений «язвительно злословил», а также «презирал» людей (см.: [Там же: 16, 28, 43]). Печорин презирает не только других, но иногда и себя (см.: [Лермонтов, 1962: 90]). У Печорина «сердце осталось пусто» [Там же: 28]. Он вообще бесчувственен: из жизни герой вынес «несколько идей – и ни одного чувства» [Там же: 98]. Живёт Печорин «не сердцем, а головою» [Там же]. Жизнь героя полна скуки от того, что он сначала наслаждается «бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги» [Там же: 27], потом «удовольствия эти» Печорину «опротивели». «Общество также надоело» герою [Там же].

В круг чтения Онегина входят романы Байрона, «в которых отразился век / И современный человек <...> С его *безнравственной душой, / Себялюбивой и сухой, / Мечтанью преданной безмерно, / С его озлобленным умом, / Кипящим в действии пустом*» [Пушкин: 140] (Курсив наш – С.К.). В этих строках – портрет молодого поколения. Печорин называет своих сверстников «жалкими потомками, скитающимися по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха» [Лермонтов, 1962: 114]. Они знают «невозможность» счастья и «равнодушно» переходят «от сомнения к сомнению» [Там же: 115].

Деятельность героев, действительно, пустая. Евгений, «томясь в бездействии досуга / Без службы, без жены, без дел, / Ничем заняться не умел» [Пушкин, 1960: 160]. Его душа «полна сожалений» [Там же: 30].

Жизнь Печорина также бездеятельна: «И все та же жажда истины и деятельности, и все то же роковое “нечего делать”!» [Лермонтов, 1962: 186].

Евгению Онегину свойственна «душевная пустота» [Пушкин: 27], «действие пустое» [Там же: 140]. В «Герое нашего времени» у Печорина: «сердце пусто», «жизнь пустее» [Там же: 28], «пустые сомнения» [Там же: 74], «пустые вопросы и шутки» [Там же: 79], «страсти пустые» [Там же: 96]. Мотив пустоты встречаем и у Тургенева. Чулкатурин восклицает: «Пустота, страшная пустота!» [Тургенев, 1980. Т.4: 211].

Онегин живёт «без цели, без трудов» [Пушкин: 160], убивает время. Чтение не приносит Евгению ни пользы, ни удовольствия: «Читал, читал, а всё без толку: / Там скука, там обман иль бред» [Там же: 27]. Попытки заняться творчеством тоже оканчиваются неудачей: «...ничего / Не вышло из пера его» [Там же]. Бесталанность, бездарность героя («не мог он ямба от хорея <...> отличить» [Там же: 14]) отдаляют его от автора-повествователя, который предан поэзии: «тёмный ум» повествователя «прояснился», «сердце не тоскует», потому что он пишет и в творчестве находит спасение (см.: [Там же: 34]). Печорину же науки «надоели» [Лермонтов, 1962: 28].

Наука, которая занимала больше всего Евгения Онегина, была «наука страсти нежной...» [Пушкин, 1960: 14]. Эта наука занимает его «тоскующую лень» [Там же]. Среди его забав доминирует донжуанство: Онегин – «молодой повеса» [Там же: 10]. Он никогда не влюблялся, а «волочился как-нибудь» [Там же: 77]. Печорин также добивается любви – то женщины, то «молоденькой девочки», которую он не хочет «обольстить» и на которой никогда не женится. Эту черту свою герой называет «женским кокетством» [Лермонтов, 1962: 75]. В Печорине есть «ненасытная жадность, поглощающая все, что встречается на пути»: молодую душу, как цветок, ему надо сорвать и, «подышав им досыта, бросить на дороге» [Там же: 76].

Белинский называет Онегина «эгоистом поневоле» [Белинский]. Таков и Печорин: «Думая о близкой и возможной смерти, я думаю об одном себе»

[Лермонтов, 1962: 98]. Герою нет дела до «радостей и бедствий человеческих» [Там же: 51], «на страдания и радости других» Печорин смотрит «только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую душевные силы» [Там же: 76].

Печорин сам не знает, «глупец» он или «злодей» [Там же: 28]: его несмеющиеся глаза – признак «или злого нрава, или глубокой постоянной грусти» [Там же: 38]. Его «душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное» [Там же: 28].

Онегин – это «человек с демонической натурой» [Беляев]. Печорин два раза утверждает, что он «глупо создан» (см.: [Лермонтов, 1962: 61, 86]). Фраза: «Я глупо создан: ничего не забываю» сближает героя с Демоном: «Забывать? – забвенья не дал бог» [Лермонтов, 1955: 229].

Счастье для Печорина – это власть и гордость: «Если бы я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив» [Лермонтов, 1962: 76]. «А что такое счастье? Насыщенная гордость» [Там же]. В голосе Печорина «есть власть непобедимая» [Там же: 105], он может всё что захочет, с ним «непрерывно должно соглашаться» [Там же: 19]. В Печорине есть «что-то гордое и таинственное» [Там же: 105], «никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно» [Там же].

Онегин и Печорин – представители дендизма. Образцом поведения для героя-денди является Байрон, поэтому на стене в кабинете Онегина висит «лорда Байрона портрет» [Пушкин, 1960: 139]. Онегин выглядит как франт, представитель «золотой молодёжи» XIX века: «Острижен по последней моде;/ Как dandy лондонский одет» [Там же: 12]. Печорин назван в тексте «франтом» [Лермонтов, 1962: 39], «совершенным денди» [Там же: 67]. В обоих романах происходит столкновение «игрового» и «серьёзного» отношения к жизни (см.: [Лотман]). Образ денди в культуре представлен именно в комическом, смеховом ключе. Кроме того, денди воспринимается

как «чужой», иностранец. Онегин «чужой» ещё и потому, что «по-французски совершенно/ Мог изъясняться и писал» [Пушкин, 1960: 12].

Онегин – лицемерит, надевает маски («Как рано мог он лицемерить» [Там же: 15]). Театральность поведения, отношение к жизни как игре особенно ярко проявляется в описании Печорина: он «был необходимое лицо пятого акта» [Лермонтов, 1962: 81], он «разыгрывал жалкую роль палача или предателя» [Там же], «играл роль топора в руках судьбы» [Там же: 96], «судьба как-то всегда приводила» Печорина «к развязке чужих драм» [Там же: 81]. «Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание их хитростей и замыслов», – вот что для Печорина жизнь [Там же: 83]. Он желает «производить эффект», почти всегда он в маске («“добрый малый” – одна из его масок» [Мануйлов, 1996: 338]). «Лишний человек» Тургенева говорит: «Моя маленькая комедия разыграна. Занавес падает» [Тургенев, 1980. Т.4: 215]. Алексей Петрович тоже не ожидал, «какую роль придется разыгрывать» [Тургенев, 1980. Т.5: 46–47].

Функция героев разрушительная, они носители несчастья, зла. Онегин отказывается от любви Татьяны, убивает Ленского. Когда Татьяна готова отдать свою судьбу «в руки модного тирана» [Пушкин, 1960: 60], автор пророчит: «погибнешь, милая» [Там же]. Онегин – её «искуситель роковой» [Там же]. За этим определением кроется характеристика демона (ср. с именованием демона М.Ю. Лермонтовым: «был мрачен *искуситель* гений» [Лермонтов, 1955: 240] (Курсив наш – С.К.). Онегин «не может счастья дать» Татьяне [Пушкин, 1960: 113]. В финале герой-эгоист испытывает раскаяние: «Я думал: вольность и покой / Замена счастьем. Боже мой! / Как я ошибся, как наказан!» [Там же: 169]. Герой не был счастлив потому, что «свою постылую свободу / Потерять не захотел» [Там же]. Печорин тоже ценит свободу: «честь поставлю на карту... но свободы моей не продам» [Лермонтов, 1962:

90]. Герой невольно портит жизнь «честным контрабандистам», губит Бэлу и разрушает ее семью, убивает Грушницкого. Он приносит исключительно несчастье: «как орудье казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления» [Лермонтов, 1962: 96]. Любовь эгоиста Печорина «никому не принесла счастья», потому что он «любил для себя, для собственного удовольствия» [Там же].

Был ли счастлив Онегин? Автор отвечает: «Нет» [Пушкин, 1960: 25]. У Печорина «несчастный характер» [Лермонтов, 1962: 27]. Герой несчастлив уже потому, что хочет убедить себя в обратном. По словам Веры «никто не может быть так истинно несчастлив», как он [Там же: 105]. Главный герой – «причина несчастья других», но от этого он «и сам не менее несчастлив» [Там же: 27]. В последующей литературе, разрабатывающей тип «лишнего человека», мотив несчастья тоже предстанет ключевым. Особое развитие эта тема получит у И.С. Тургенева (например, в повести «Несчастливая»).

Ещё одна ключевая тема, которая появляется в «Герое нашего времени» – раздвоенность героя. Печорину свойственна рефлексия: «Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его» [Там же: 98], «я боюсь показаться смешным самому себе» [Там же: 90]. Раздвоенность обусловлена следующим признанием: «одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, – тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого» [Там же: 78]. Именно над этим феноменом рефлектирует герой – уж слишком много хлопот доставляет ему эта, оставшаяся половина души. Прямо представлен данный мотив в творчестве И.С. Тургенева, в частности, в романе «Новь». Главный герой говорит: «во мне сидят два человека – и один не дает жить другому» [Тургенев, 1982: 370]. Трудно не увидеть здесь цитату из повествования о Печорине.

Силы Онегина «остались без приложения, жизнь без смысла» [Белинский]. Печорин тоже чувствует «в душе» своей «силы необъятные»

[Лермонтов, 1962: 96]. Результатом стремлений и порывов к деятельности является глубокое разочарование в жизни – «холодное, бессильное отчаяние» [Мануйлов, 1996: 330]. От уныния и тоски Онегин обессилел, Печорин от тех же причин впал в псевдо-, антидеятельность – игру с Мери и пр.

Лермонтов называет состояние героя болезнью, и эта болезнь – «трагедия целого поколения, обреченного на бездействие» [Лермонтов, 1962: 222]. Печорин говорит о себе: «ожидание насильственной смерти не есть ли уже настоящая болезнь?» [Там же: 97]. Печорину свойственна «нервическая слабость» [Там же: 36], он чувствует себя «нравственным калекой» [Там же: 78]. Человек, живущий в обществе, лишенный глубоких, разумных целей деятельности и обреченный на бездействие, неизбежно деградирует (см.: [Порус]). У И.С. Тургенева в «Переписке» находим: «наша психология сбивается на патологию» [Тургенев, 1983: 27]. В «Дневнике лишнего человека» Чулкатурин болен не только физически, но и нравственно: «я был мнителен, застенчив, раздражителен, как все больные» [Тургенев, 1980, Т.4: 173], «я сам болен» [Там же: 176], «меня щадили, как больного» [Там же: 191].

Ценности семьи и дружбы отвергнуты героями. Онегину «друзья и дружба надоели» [Пушкин, 1960: 25], Печорин «к дружбе неспособен» [Лермонтов, 1962: 58]. «Лишний человек» не готов к семейной жизни, его реализации нет и в личной сфере. Евгений «не создан для блаженства» [Пушкин, 1960: 79]. Герой видит себя «недостойным», «скучным», «сердитым», «холодно-ревнивым», «молчаливым» мужем [Там же: 79–80]. Печорин тоже не способен стать мужем: «посмотрите на меня: неужели я похож на жениха или на что-нибудь подобное?» [Лермонтов, 1962: 85]. «Отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?.. Нет, я бы не ужился с этой долею!» [Там же: 109]. У Тургенева: в «Нови» в реплике Нежданова открытие всей сущности «нового» человека: «Как могу я присоединить

навсегда ее судьбу к моей? Живое существо – к трупу? Ну, не к трупу – к существу полумертвому?» [Тургенев, 1982: 325].

Жизнь рассматриваемых героев бесцельна. Печорин нередко задаёт себе онтологически важные вопросы: «Куда я себя готовлю? чего я жду от будущего?..» Ответ: «Право, ровно ничего» [Лермонтов, 1962: 90]. «Но что от этого мне осталось? одна усталость, как после ночной битвы с привидением, и смутное воспоминание, исполненное сожалений» [Там же: 115]. Для героя всё уже известно: «я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге» [Там же]. «Зачем я жил? для какой цели я родился?..» [Там же: 96]. Своё назначение Печорин не угадывает из-за того, что он «увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных» [Там же]. Он живёт «из любопытства» [Там же], «никогда ничем очень не дорожит» [Там же: 66]. Ответ на заданный самому себе вопрос: «неужели мое единственное назначение на земле – разрушать чужие надежды?» [Там же: 81], – будет положительным.

Сущность «лишнего человека» открывается и романным персонажам. Разгадать Онегина пытается Татьяна: Онегин – «чудак печальный и опасный» [Пушкин, 1960: 141]. На вопрос «кто он?» появляется предположение: «подражанье, ничтожный призрак», «чужих причуд истолкованье». Предположение «уж не пародия ли он?» [Там же] представляется еще одной, может быть, главной разгадкой вопроса. Во сне Татьяны как нельзя лучше раскрывается образ Евгения, обнажается его демоническая сущность. В окружении рогатых «адских привидений» [Там же: 101]: чудовищ с копытами, хоботами, хвостами, усами и окровавленными языками перед читателем возникает образ антимира / мира мёртвых, в котором хозяином является Онегин. Ниже герой назван автором-повествователем «демоном моим» [Там же: 160].

Печорин – «это портрет, составленный из пороков всего <...> поколения, в полном их развитии» [Лермонтов, 1962: 6]. Герой «хуже убийцы» (см.: [Там же: 78]). Он, как вампир, пожирает энергию людей и делает их несчастными. Печорин «с жадностью поглощал их чувства, их радости и страдания» [Там же: 96]. Это разгадка образа героя: «есть минуты, когда я понимаю Вампира» [Там же: 83]. Вампиризм здесь понимается в нравственном смысле. Лермонтов упомянул Вампира в связи с Печориным и в черновиках: «Если вы вери<ли> существованию Мельмота, Вампира и других – отчего же вы не верите в действительность Печорина?» [Там же: 226]. Вампир – это сильный и аморальный герой, для которого зло – условие существования. В этом своем качестве он появляется и у Лермонтова [Мануйлов, 1996: 337–338].

Таким образом, в рассмотренных произведениях, – созданных разными авторами и в разное время, – мы видим фактически единую, цельную характеристику образа-характера «лишнего человека». Все черты (психологемы) логически увязаны и образуют интертекстуальный сюжетно-мотивный комплекс.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Проблема самореализации героя в рассмотренных произведениях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева является едва ли не самой главной проблемой, занимающей литературоведов. В проанализированных текстах мы встречаем один тип личности: это человек «лишний» / «новый». Его самореализация почти полностью отсутствует: Евгений Онегин, Григорий Печорин и «лишние люди» Тургенева проживают скучную и мучительную жизнь без любви, дружбы, семьи. Если вдруг, как исключение, случается любовь, то она неудачна. Если есть семья, то описание семейной жизни предстает необычайно странной, описываемой словом «несчастье». (Яркий пример – рассказ И.С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда»). У героев отсутствует какое-либо осмысление положительного назначения собственной жизни, хотя они мучительно над этим размышляют. В тургеневском «лишнем» в полной мере и прямо подчёркнута эта всеохватная неспособность к жизни. Писатель понимает «лишнего» как человека предельной ситуации: без него Вселенная «обошлась» бы, на его появление сама «природа не рассчитывала» [Тургенев, 1980. Т.4: 173]. Как тут устоять, если против тебя восстают силы космические?..

Причины невозможности самореализации «лишних людей» заключается не только в весьма неблагоприятных социальных условиях, они кроются и в них самих, в характерах героев. Эти характеры были сформированы кризисным временем. Холодность, пустота, апатия, хандра, скука могут посещать человека при разных обстоятельствах. Они могут возникать и исчезать. Здесь же они образуют устойчивое основание характера. «Внутренний человек» всё же важнее человека «социального». В одном и том же обществе, можно быть счастливым и несчастным, видеть или не видеть смысл человеческого предназначения, выбирать разные пути,

варианты самоосуществления. Если нет никакого внутреннего основания для жизнестроительства, то его и не будет.

Уныние, скука, гордыня, душевная пустота, скитальчество – эти и многие другие мотивы отождествляют героев с демоном. Демоническое начало – основа «внутреннего» «лишнего». Эгоизм и презрение, снисходительность к ближним – препятствия на пути к живой жизни, становлению полноценной личности. «Лишний человек» – «обезьяна Бога», симулякр. Не случайно в рассмотренных сочинениях он постоянно сближается с Демоном, Вампиром, Мельмотом, Мефистофелем, Вечным Жидом.

В данном контексте не случайными выглядят такие черты, как отказ / неспособность к любви, дружбе, счастью. Всем этим объясняются их поступки и в целом жизнь. По этим же причинам «лишние люди» не могут найти себе места, изгойство – их прирожденное качество.

Герои в то же время – обычные люди, испытывающие невероятные муки от своего состояния, но при этом они больше стремятся к смерти, чем к жизни, желают уйти, а не быть. В этом – страшная правда, обнаруженная писателями-психоаналитиками.

Евгений Онегин оказывается на краю смерти. Дальнейшая его жизнь, вероятно, пройдет «в тоске безумных сожалений» [Пушкин, 1960: 174]. Григорий Печорин, как он сам ожидал и предсказывал, умирает (по дороге из Персии). «От несчастной жизни его избавляет только подвернувшаяся кстати смерть» [Порус]. Почти все «лишние герои» И.С. Тургенева находят выход в смерти: от болезни умирает Чулкатурин, Алексей Петрович С... (из повести «Переписка»), Базаров, Инсаров. Рудин находит смерть на баррикаде, Нежданов оканчивает жизнь самоубийством.

Таким образом, «лишний человек» – это человек суицидальный, устремленный к смерти. Он видит в ней единственный выход, в жизни же он чувствует себя человеком, разыгрывающим непонятные ему роли. И ни одна

из них ему не по нраву. Ради развлечения, ради того, чтобы убежать от скуки герой ввязывается в интриги, игры, которые губительны для других. Собственно, во всем этом выражается функция героя-демона.

В нашей статье «Жизнестроительные интенции “лишнего человека” (на материале произведений А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева)»⁹ подробно рассмотрен тип «лишнего человека» на примере образов Евгения Онегина и Григория Печорина, героев И.С. Тургенева: Чулкатурина, Алексея Петровича С... (из повести «Переписка»), героя-«гамлета», Рудина, Нежданова и др.

Перечислим основные психологемы, моделирующие образ «лишнего человека» и извлеченные из названных и других (рассмотренных нами) героев: *скука, тоска, хандра, сплин, одиночество, гордыня, эгоизм, властолюбие, скитальчество, изгойство, пустота, бездеятельность, донжуанство / разврат, театральность, игра, ложь, ношение маски, раздвоенность, безысходность, разочарование в жизни, стремление к смерти. Герой неспособен найти своё место в мире; не видит применения своим силам; слаб и безволен; не знает, куда идти. Для него характерны: антихристианское восприятие мира, отрицание и безверие; духовная пустота; отказ от традиционных ценностей; (преимущественно) отсутствие семьи; (часто) несчастье в любви; университетское образование; дар красноречия при утрате смысла слова, маргинальность (часто при значительном социальном статусе); фиксация сознания на самом себе; восприятие реальности как игры; безуспешный поиск смысла; деятельность без цели; претензия на значительность, нежелание принять свою судьбу и т. п. Все это названо авторами недугом, болезнью, законами больного развития и состояния, психопатологией, несчастьем, проклятием.*

⁹ См. подробнее: Киселева С.С. Жизнестроительные интенции «лишнего человека» (на материале произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева) // Проспект Свободный-2016. 2016. С. 12-15.

ГЛАВА 3. ТИП «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

3.1. Характеристика типов «нигилиста» и «нового человека» в отечественных исследованиях

Вопросу о типе «нового человека» посвящены работы А.И. Герцена, Н.Н. Страхова, В.В. Воровского, Л.Б. Каменева, Б.П. Козьмина, В.Ю. Гусева, Л.А. Зониной, И.А. Паперно, Т.И. Печёрской и многих других критиков и литературоведов.

Появление «нового героя», поколения «новых людей»-разночинцев принято относить к 50–60-м гг. XIX века. «Новый человек» – это уже «человек идеи», бунтарь, «Наполеон» или революционер, носитель теории «разумного эгоизма», рационального начала переустройства жизни. Популярность термин получает после выхода в 1863 году романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?». «Новые герои» – «сконструированные» люди идеи, теоретики, доведенные автором до им же мыслимого совершенства. Они действуют по принципу «разумного эгоизма», задумываются о выгоде выгоды (ср. с фразой «подпольного»: «выгодная выгода» [Достоевский, 1973: 113]). Чернышевский создаёт человека в духе позитивизма, у которого нет моральных норм в прежнем смысле – всё подчинено рациональности.

До Н.Г. Чернышевского тип «нового»-«нигилиста» был представлен И.С. Тургеневым в романе «Отцы и дети» (1862). Нигилист Базаров – «новый человек», он тоже отвергает старые ценности, признаёт только науку (биологию, химию), факт, здравый смысл/ рационализм. И.С. Тургенев настаивает на понимании нигилиста как революционера: «если он [Базаров] называется нигилистом, то надо читать: революционером» [Батюто,

1981: 442]. Для представителей дворянского общества нигилист был синонимом революционера.

По мнению Н.А. Добролюбова, «новые люди» И.С. Тургенева «были вносителями новых идей в известный круг, просветителями, пропагандистами...» [Добролюбов, 1860]. П.А. Кропоткин отметил, что «нигилизм, с его декларацией прав личности и отрицанием лицемерия, был только *переходным моментом* к появлению *новых людей*, не менее ценивших индивидуальную свободу, но живших вместе с тем и для великого дела» [Кропоткин, 1899] (Курсив наш – С.К.). Нигилизм 60-х гг. был «предварительной школой и для целого ряда деятелей всего последующего революционного движения 60-х и 70-х гг., выступавшего под гораздо более широким знаменем. Переходный характер нигилизма как общественного и бытового явления обусловил и то, что самый термин “нигилизм” удержался сравнительно недолго» [Каменев, 1934: 44].

Л.Б. Каменев пишет о слове «нигилист» (фактически цитируя роман И.С. Тургенева): «[от латинск. nihil – «ничто»: человек, ничего не признающий, отрицатель] – общественно-политический и литературный термин, широко распространенный в русской публицистике и художественной литературе 60-х гг.» [Там же: 40]. В эпоху появления нигилизма в России существуют два враждующих лагеря: крепостническое дворянство и разночинная интеллигенция. Термин «нигилизм» «характеризует мировоззрение представителя разночинной интеллигенции» [Там же: 41]. Понятие было введёно Н.И. Надеждиным в статье «Сонмище нигилистов», опубликованной в «Вестнике Европы» за 1829 год, однако «ни в 30-х гг. ни впоследствии, вплоть до появления “Отцов и детей” Тургенева, термин этот не был наполнен никаким конкретным общественно-политическим содержанием» [Там же]. Наполнение термину дал И.С. Тургенев, введя в литературу образ Евгения Базарова. Этим писатель пытался осудить первые ростки революционно-демократического движения.

Для нигилизма 1860-х гг. характерно «отрицание авторитетов, подчеркивание *прав разума*, *критическое отношение* ко всем установленным и общепринятым политическим, экономическим и бытовым идеалам и положениям, *увлечение естественными науками*, отстаивание прав личности, в частности наиболее угнетенной женской личности» [Каменев, 1934: 44] (Курсив наш – С.К.).

Социальная сущность положения «нового человека»-разночинца рассмотрена Т.И. Печёрской: «слово “разночинец” прежде всего связано именно с шестидесятниками и отчасти с предшествующим поколением 40-х годов. <...> В разночинцы <...> выпадали из других сословий» [Печёрская, 1999].

«В социальном смысле положение разночинцев оказалось изначально двойственным. С одной стороны, по своему статусу они не обладали многими правами на собственность <...> но с другой <...> были в той же мере свободны, как и дворяне, а по уровню образования могли и превосходить многих из них» [Там же]. Так, они не вписывались ни в то, ни в другое сословие, оказываясь в маргинальном положении. «Двойственность разночинского сознания» более всего проявляет «словесная форма самовыражения» (см.: [Там же]).

Т.И. Печёрская признаёт, что «новый человек и подпольный герой – два взгляда на один и тот же тип, сформировавшийся в 50-60-е годы XIX в., а Достоевским обрисованный в основных своих чертах уже в повестях конца 40-х годах» [Там же]. Поясняя, исследователь добавляет: «В соответствии с определенным углом зрения и разной семантической фокусировкой оба типа оказались *разнонаправленными* относительно друг друга. Однако с позиции “жизненных процессов” они зафиксировали один *тип разночинского самосознания* во внешнем и внутреннем его предъявлении. <...> в идеологическом плане новый человек маркирует способ социально-

психологической компенсации подпольного сознания» [Там же] (Курсив наш – С.К.).

Философия «подпольных героев» Достоевского, «бившихся над разрешением сверхидей», по мнению Т.И. Печёрской, «занимала как раз подвальное пространство, каковым является всякое *сознание, торгующееся с сущностным: если Бога нет, то...*» [Печёрская, 1999] (Курсив наш – С.К.).

Исследователем отмечаются признаки «вероучения наизнанку» «новых людей»: секуляризм становится «либо богоборчеством, либо богоискательством» [Там же]. В концепции шестидесятников (среди них был и Н.Г. Чернышевский) «занявший *пустующее место Бога*, человек был провозглашен высшей ценностью, мерой всех вещей» [Там же] (Курсив наш – С.К.).

Опираясь на философию Ницше, Т.И. Печёрская говорит об особой психологии «новых людей»: «испытав экзистенциальное разочарование, сознание запрещает себе всякий род “ускользания” к запредельным мирам, хотя и не выносит этот мир, который уже не удастся отрицать. В психологическом смысле *невключенность в оба мира* как одна из основ индивидуализма и оборачивается *чувством сиротства*, которое интенсивно стремится к компенсации за счет переустройства этого мира, доступного приложению воли» [Там же] (Курсив наш – С.К.).

У нигилизма имелась собственная система условностей, жестов, особая манера поведения: «вожди нигилистов сами проектируют для этой свободы “в высшей степени сложную систему всевозможных ломаний”» [Печёрская].

В 60-е годы XIX века «обыкновенный человек, уже осознавший себя новым, посредством литературной идентификации осмысливал себя в проекции особенного человека», то есть имело место «изображение изображения» [Там же]. «Разночинцы 60-х годов еще в большей степени были увлечены теориями воспитания, поскольку в них предлагалось не

просто “построить себя”, но создать из исходного материала нового и особенного человека» [Там же].

А.А. Аникин, называя Базарова «лишним человеком» (по существу это тот же «новый»), считает, что герой «наполнен маргинальностью, весь сосредоточен на своем Я, крайне сужает поле восприятия жизни» [Аникин: 2], его нигилизм – «это отрицание бытия» [Там же]. Отрицание «предрассудка», безверие – основные черты «нового человека». Они ярко проявленные в Базарове. Нигилист «внутренне всегда чужд искусству» [Там же: 2]. Общественное положение Базарова – «разночинец» объясняется наличием «неотчетливых социальных связей и традиций» [Там же]. «Подавленность, депрессия, полное отрицание своей роли резко проступают в Базарове» [Там же]. В нём «завершается развитие стержневого типа героя <...>, построенного на конфликте внешней негативной активности и внутреннего опустошения» [Там же: 3]. Мотивы «доведены до максимума; критика до нигилизма, маргинальность до разночинства, смертное преобразование – до легенды» [Там же]. Рудин как продолжатель революционного типа, типа «нового человека» показан «героем слова, а не дела»: *«пустота слова для Тургенева – это именно свойство маргинального характера»* [Аникин: 3] (Курсив наш – С.К.).

Пустословие, характерное для «нового человека», реализуется и в «Записках из подполья» Ф.М. Достоевского: «важнейший для героя критерий литературного слова – торжественность – доводится им [подпольным] до вульгарности. [Горшечникова, 2011: 33]. «Одним из важных качеств героя есть стремление к *антиэстетизации собственного слова*». [Там же].

Д.А. Беляев утверждает, что «новый человек» нацелен на пересмотр ключевых этических и социальных норм общества. Отношение к образу «нового человека» двояко, так как герои обладают как «определенной привлекательностью, часто граничащей с пороком», так и «отталкивают

своей аморальной инаковостью, часто граничащей с “бесчеловечностью”» (см.: [Беляев]).

Революционность образа «нового человека» в творчестве И.С. Тургенева играет решающую роль. При этом герои И.С. Тургенева не готовы к решительным действиям: «их идеи исторически прогрессивны, а они сами исторически обречены. Они всегда – “накануне” каких-то важных событий и свершений. Их роль – разбудить, заставить задуматься и решиться действовать тех, кто идет за ними» [Фесенко, 2013: 75].

Появление «нового человека» связывается с постхристианской эпохой, духовным кризисом человека, для которого Бога нет.

3.2. «Подпольный» как «внутренний человек»

Во взгляде Ф.М. Достоевского на «нового человека» обнаруживается много общего с мнением И.С. Тургенева: «Достоевский, в параллель тургеньевскому Гамлету, написал с большою яркостью своего подпольного героя (“Записки из подполья”), человека, живущего совершенно внутреннею жизнью, никогда не имевшего живых отношений с действительностью, а между тем сильно развитого умственно и обладающего большим самолюбием и, следовательно, страдающего» [Страхов, 1867: 555]. Повесть «Записки из подполья» была написана в 1864 году как полемический ответ на роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?». По мнению Л.П. Гроссмана, А.С. Долинина, В.Л. Комаровича, повесть полемически направлена по отношению к революционерам-демократам во главе с Н.Г. Чернышевским.

Исследователи называют «подпольного» антагонистом «нового человека», так как его характер построен *на отрицании рационализма* («подпольный человек» «разрушает рационализм изнутри, доводя его логические предпосылки и возможности до последовательного конца и приходя к уничтожающему беспомощному тупику» [Бельтраме, 2007: 136]).

К.В. Касаткина пишет: «Подпольный парадоксалист изначально задуман автором как антипод “дельным людям” в изображении писателей демократического направления» [Касаткина, 2016: 40]. При этом на деле у «подпольного» и «нового человека» «гораздо больше общего, чем кажется на первый взгляд, поскольку они описывают одно то же жизненное явление» [Бельтраме, 2007: 41].

Принцип «подпольного» – *принцип безграничной свободы*. Переклички с романом проявляются в «примерке» сюжетных ситуаций, например: спасение падшей женщины (Настенька в романе «Что делать?») и Лиза в «Записках из подполья»), которое у Ф.М. Достоевского в принципе невозможно.

Однако «подпольного» объединяет с типом «нового» то, что он тоже человек идеи («заветные *идейки*, в углу выжитые, жаждал изложить» [Достоевский, 1973: 155] (Курсив Ф.М. Достоевского). Его идея – «по своей глупой воле пожить» [Там же: 113]. Для «подпольного» характерно «вероучение наизнанку» [Печёрская, 1999] – это один из признаков «нового человека». Идея у него становится заменой веры.

Необходимо отметить, что Ф.М. Достоевский и Н.Г. Чернышевский, изображая «нового человека», смотрят на него с диаметрально противоположных позиций. Суть разногласия в том, что у Н.Г. Чернышевского «новые люди» ни при каких условиях не могут быть лишними. Это люди идеальные, идеологи – образцы будущего, строители земного рая – образцового будущего. В восприятии автора они окружены ореолом святости. Ф.М. Достоевский, как и И.С. Тургенев, видит совершенно другое: трагическую ошибку в увлечении новыми идеями. Писатель-почвенник и писатель-либерал сходятся в том, что «новые» – это вчерашние «лишние», ищущие смысл, силу и цель в демонических идеях переустройства мира на основании своих убеждений.

«Новый человек» – революционер, появляется на страницах «Рудина», «Нови» И.С. Тургенева. «Новые герои» у И.С. Тургенева не просто близки к типу «лишнего человека», по сути, это один тип в своей эволюции. Они объединены одной *болезнью, лишностью* на земле (фамилия Нежданов – от «не ждали» (ср.: «лишний» Чулкатулин – человек, которого «не ждали»); он тот, кому «было как-то приличнее умереть, нежели жить» [Тургенев, 1981: 378]), Нежданову свойственна *раздвоенность, рефлексия* («во мне сидят два человека – и один не дает жить другому» [Тургенев, 1982: 378]), *мертвенность* («Как могу я присоединить навсегда ее судьбу к моей? Живое существо – к трупу?»), герой называет себя «полумертвым существом») [Там же].

У Н.Г. Чернышевского «новый человек» реабилитируется в «дельного человека» с идеей «разумного эгоизма», «вероучением наизнанку» [Печёрская, 1999]. Герои Н.Г. Чернышевского – те же нигилисты, только нашедшие утвердительную идею – идею революции / «перемены декораций». Полное господство разума делает не Бога, а «нового человека» высшей ценностью, «мерой всех вещей» [Там же]. Для Ф.М. Достоевского важно было вывести «настоящего человека русского большинства», трагизм которого «состоит в сознании уродливости» духовной, «в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его...» [Достоевский, 1973: 378].

Основная проблема характера «подпольного», как «нового человека», состоит в замене Бога своим «Я». Ф.М. Достоевский в письме к брату 26 марта 1864 г. писал: «...там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал *для виду*, – то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа, – то запрещено...» [Достоевский, 1985: 73] (Курсив Ф.М. Достоевского).

Федор Михайлович писал в 1860-х гг.: «Мы видим, как исчезает наше современное поколение, само собою, вяло и бесследно, заявляя себя

странными и невероятными для потомства признаниями своих “лишних людей”. Разумеется, мы говорим только об избранных из “лишних людей” (потому что и между “лишними людьми” есть избранные); бездарность же и до сих пор в себя верит и, досадно, не замечает, как уступает она дорогу новым, неведомым здоровым русским силам, вызываемым, наконец, к жизни» [Достоевский, 1973: 376]. Отсюда ясно, что Ф.М. Достоевский говорил о своем герое как о «лишнем человеке» 1860-х годов. Об этом же свидетельствует его замечание в «Зимних заметках»: «Они [«лишние люди»] все ведь не нашли дела, не находили два-три поколения сряду. <...>Так вот не понимаю я, чтоб умный человек, когда бы то ни было, при каких бы то ни было обстоятельствах, не мог найти себе дела» [Там же: 407].

Более отчетливо определить природу «подпольного» помогает вычленение из текста психологом (архетипических мотивов), которые характеризуют его как «внутреннего человека». С целью определения основы характера «подпольного», попытаемся распределить их по трём рассматриваемым нами типам литературных героев: «маленького человека», «лишнего человека», «нового человека».

Характер «подпольного» как изгоя, лишнего человека с очевидностью сформировала психологическая травма, которая уходит в детство. Данный топос находит параллель в описании биографий «лишних людей» И.С. Тургеневым. Писатель придавал немалое значение детству героя: «нравственные болезни происходят от дурного воспитания, от всяких пустяков, которыми сызмала набивают людские головы» [Тургенев, 1981: 78]. «Подпольный» проклинает своё «ненавистное детство», школу, в которой он провёл «ужасные каторжные годы» [Достоевский, 1973: 135] (Курсив наш – С.К.); «весь вечер давили меня воспоминания о *каторжных* годах моей школьной жизни» [Там же: 139] (Курсив наш – С.К.). «Подпольный» – сирота, родителей у него не было; он воспитывался у дальних родственников: «меня сунули в эту школу мои дальние

родственники, сунули сиротливого, уже забитого их попреками, уже задумывающегося, молчаливого и дико на все озиравшегося. Товарищи встретили меня *злыми и безжалостными насмешками* за то, что я *ни на кого из них не был похож*» [Достоевский, 1973: 139] (Курсив наш – С.К.). С товарищами он «тотчас же разошелся, как вышел на волю» [Там же: 135]. Эта неуживчивость, социофобия – черта и «маленького», и «лишнего человека», неспособных на близкие связи с людьми: дружбу и любовь.

«Подпольный» «не мог отвязаться» [Там же: 139] от своих травмирующих воспоминаний. «Человек, психологически травмированный пренебрежением и насмешками, перестает доверять окружающим и уходит в “подполье”» [Касаткина, 2016: 68].

Травматическим состоянием обусловлено сознание и дальнейшее поведение героя. «Все это как будто *не случайно во мне было*», «как будто это было мое *самое нормальное состояние*», «нет тебе выхода, что уж никогда не сделаешься другим человеком», «все это происходит по нормальным и основным законам усиленного сознания и по инерции», «без вины виноват и, так сказать, *по законам природы*» [Достоевский, 1973: 102–103]. Исследователи отмечают: «Бездомность и одиночество с детства положили начало формированию характера угрюмого, замкнутого и фантастического» [Дилакторская, 1999: 270], «“Подполье” Парадоксалиста не является приобретенной болезнью, оно <...> было с героем всегда» [Касаткина, 2016: 26].

У «подпольного» есть представление о прекрасной, правильной жизни. Так он описывает «идиллию» («напускную, книжную, сочиненную» [Достоевский, 1973: 166]), которой не было и не будет ни у Лизы: «коли в семье все удастся, *Бог благословит, муж выйдет хороший*, любит тебя, лелеет тебя, не отходит от тебя! хорошо в той семье! Даже иной раз и с горем пополам хорошо; да и где горя нет? <...> Зато взять хоть в первое-то время замужем за тем, кого любишь: счастья-то, счастья-то сколько иной раз

придет! <...> И в доме все на вас радуются, и хорошо, и весело, и *мирно*, и *честно*... <...> Ну, а как муж *человек добрый и честный* удастся, так как тут любовь пройдет? <...> Там душой сойдутся, все дела свои сообща положут; тайны друг от друга не будет. А дети пойдут, так тут каждое, хоть и самое трудное время счастьем покажется; только бы любить да быть мужественным. <...> Дети растут, чувствуешь, что ты им пример, что ты им поддержка; что и умрешь ты, они всю жизнь чувства и мысли твои будут носить на себе, так как от тебя получили, твой образ и подобие примут. Значит, это великий долг. <...> Говорят вот, детей иметь тяжело? Кто это говорит? Это счастье небесное! <...> *Ребеночек* розовенький, пухленький, раскинется, нежится; <...> Да разве не все тут счастье, когда они трое, муж, жена и ребенок, вместе? За эти минуты много можно простить» [Достоевский, 1973: 157–158] (Курсив наш – С.К.). Ему близка эта мечта: «ей-богу, с чувством говорил», «к концу-то речи я действительно разгорячился», «у меня все это теперь в душе проснулось» [Там же: 158–159]. Реальность же представляется «подпольному» совсем иной, он говорит Лизе: «имя твое исчезнет с лица земли – так, как бы совсем тебя никогда не бывало и не рождалось!» [Там же: 161]. К нему это тоже применимо.

Таким образом, «подпольный» видит первоисток своего странного характера в отсутствии семьи, в сиротском детстве: «Была бы у меня семья с детства, не такой бы я был, как теперь. <...> Ведь как бы ни было в семье худо – всё отец с матерью, а не враги, не чужие. Хоть в год раз любовь тебе выкажут. <...> Я вот *без семьи вырос*; оттого, верно, такой и вышел... *бесчувственный*» [Там же: 156] (Курсив наш – С.К.).

В жизни «подпольный» «ничем сделаться не сумел», он «прежде служил, а теперь не служит» [Там же: 99], служил он коллежским асессором¹⁰, «всю жизнь *ничего не мог ни начать, ни окончить*» [Там

¹⁰ «Этот чин VIII класса ценился очень высоко, и достичь его было нелегко даже дворянину» [Федосюк]. Разница в положении на социальной лестнице разводит «подпольного» и «маленького человека» (занимающего более низкие ее ступени).

же: 109] (Курсив наш – С.К.). Основное его занятие – «ничего неделание», «сознательное *сложж-руки-сиденье*» («*скучно уж очень было сложж руки сидеть; вот и пускался на выверты. И все от скуки <...>; инерция задавила*» [Достоевский, 1973: 108] (Курсив наш – С.К.), «*мне скучно, а я постоянно ничего не делаю*» [Там же: 123] (Курсив наш – С.К.). Отсутствие занятия, бездеятельность, неумение приложить к чему-нибудь собственные силы роднит «подпольного» с типом «лишнего человека».

Ещё одно свойство «лишнего» – отсутствие друзей, одиночество: его жизнь «угрюмая, беспорядочная и до одичалости *одинокая*», он «ни с кем не водился и даже *избегал говорить* и все более и более забивался в свой угол» [Там же: 124] (Курсив наш – С.К.). Он «*всю жизнь смотрел как-то в сторону и никогда не мог смотреть людям прямо в глаза*» [Там же: 103] (Курсив наш – С.К.), он «*не уважал людей на самом деле*» [Там же: 177] (Курсив наш – С.К.).

Несчастливое детство ведёт за собой неумение сближаться с людьми. Герой страдает «от всегдашней *болезненной раздражительности*», у него «порывы бывали *истерические*, со слезами и *конвульсиями*» [Там же: 127] (Курсив наш – С.К.). Он «испытывал бесчисленные мучения, унижения и разлития желчи» [Там же: 130]. Болезненность и злость также черты «лишнего человека». Герой стремится сделаться *злым* (у него «злость <...> могла бы все пересилить», «злота у меня <...> химическому разложению подвергается») [Там же: 108], но «подпольный» «не только злым, но даже ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым» [Там же: 100]. Его душа – арена для борьбы добра и зла. А потому «подпольный» – герой *рефлектирующий*, внутренне *раздвоенный, противоречивый*: он «сознавал в себе много-премного самых *противоположных* тому элементов» [Там же: 100] (Курсив наш – С.К.), «считал себя умнее всех даже этого совестился» [Там же: 103], он «упражняется в мышлении» [Там же: 108]. «У меня как-то это вдруг тогда

делалось: то презираю, то ставлю выше себя» [Достоевский, 1973: 125], испытывает сомнения: «это гадко. А может, и хорошо...» [Там же: 156]. «Подпольный» – человек крайностей: «либо герой, либо грязь, середины не было» [Там же: 133]. В нём самоуничтожение и «безграничайшее тщеславие» [Достоевский, 1973: 128], самолюбие; он «ужасно самолюбив», «считал себя умнее всех» [Там же: 103] / принимал себя за «умного человека» [Там же: 109], «самолюбие как-то страдало» [Там же: 158], «я тщеславен так, как будто с меня кожу содрали» [Там же: 174]; он «был эгоист» [Там же: 177]. Самолюбие и рефлексия опять же черты, сближающие героя с типом «лишнего человека».

Постоянная игра, пустословие характеризуют его как «лишнего»: герою необходимо «на словах поиграть, в голове помечтать» [Там же: 173–174] (Курсив наш – С.К.), для него характерна пустая болтовня: «пусть я болтун, безвредный, досадный болтун, как и все мы» [Там же: 109]; «уж коль выйдет на свет да прорвется, так уж говорит, говорит, говорит...» [Там же: 121].

Для «подпольного» невозможны естественные поведение и жизнь. Как и «лишний человек», он страдает от ложной театральности, от искусственных порывов злобы и шутовства, от той фантазийной реальности, в которую он погружен: «я нарочно воображаю перед собой публику, чтоб вести себя приличнее» [Там же: 123] (Курсив наш – С.К.), «нарочно поеду» [Там же: 138] (Курсив наш – С.К.). Герой выбирает себе роль, которую ему нужно сыграть: «обязан смотреть обиженным» [Там же: 142], он «надевает бесчестную лживую маску» [Там же: 166]. Несколько раз он признаётся, что «более всего» его «игра увлекала», ему «в тон надо попасть»: «я, что называется, представлялся» [Там же: 156]. (Курсив наш – С.К.). Это ношение маски, принятие личины другого – черта «лишнего» / «нового человека», черта лже-, антигероя, любого «нечистого». «Подпольный» «сам себе приключения выдумывал и жизнь сочинял», «напустил на себя», «до того

себя доведешь, что *под конец*, право, и в самом деле обидишься», «всю жизнь тянуло такие *штуки выкидывать*» [Там же: 108] (Курсив наш – С.К.).

Для героя характерен уход от реальности в литературу, желание жить по книге. И говорит он «туго, выделанно, даже книжно»; «иначе и не умел, как «точно по книжке» [Там же: 162]. Он «привык думать и *воображать* все по книжке и *представлять* себе все на свете так, как сам еще прежде в *мечтах* сочинил» [Достоевский, 1973: 174] (Курсив наш – С.К.).

«Подпольный» находит удовольствие в страданиях. Он испытывал «наслаждение от слишком яркого сознания своего унижения» [Там же: 102], «наслаждение отчаяния» [Там же: 103], «в самом чувстве собственного унижения посягнул отыскать наслаждение» [Там же: 107]. Он объясняет это ощущение *скукой, тоской, горем*: «нарочно в грязь лезу, тоже с тоски», «я здесь – с горя» [Там же: 155]. Это чувство не ново, оно есть и у «лишнего человека», однако в характере «подпольного» оно предельно обострено.

Дружба и любовь для «подпольного» – всего лишь форма власти: «я уже был деспот в душе; я хотел неограниченно властвовать над его [друга] душой <...> когда он отдался мне весь, я тотчас же возненавидел его и оттолкнул от себя, – точно он и нужен был мне только для одержания над ним победы, для одного его подчинения» [Там же: 140]. «Без *власти и тиранства* над кем-нибудь я ведь *не могу прожить...*» [Там же: 175] (Курсив наш – С.К.).

Власти герой хочет добиться и в отношении публичной женщины Лизы. «Подпольный» и Лиза – двойники, герой говорит: «я, может, еще тебя хуже», «я может быть, тоже такой же несчастный» [Там же: 155], «это любопытно, это – *сродни*» [Там же: 156]. Он мучает Лизу ради собственного удовольствия, желания поиграть, «грубо и навязчиво лезет в душу» [Там же: 159]. Герой «перевернул всю ее душу и разбил ее сердце», чувствуя это, он не только не перестает говорить но, напротив, – «чем

больше я удостоверился в том, тем больше желал поскорее и как можно сильнее достигнуть цели» [Там же: 162]. Хоть «какая-то цель “явилась”» [Достоевский, 1973: 162]. Она заключается в том, чтобы властвовать, превосходить, показать себя перед ней («я тогда героем таким перед тобой представился» [Там же: 174]). Он оставляет Лизу «оскорбленной и раздавленной» [Там же].

Однако после встречи и разговора с Лизой перед ним «гадкая истина» «уже сверкала из-за недоумения», на следующий день его терзания продолжают: «что-то не умирало во мне внутри, в глубине сердца и совести, не хотело умереть и сказывалось *жгучей тоской*», что-то «подымалось в душе непрерывно, с болью, и не хотело утомиться» [Там же: 165] (Курсив наш – С.К.). Будто на его душе «лежало какое-то преступление» [Там же: 165]. Лиза, которую он считал низшим существом, оказалась нравственно выше его. Лицо её «бледное, искривленное», «с мученическим взглядом», её улыбка «жалкая», «неестественная», «искривленная» выражают подлинность страданий героини [Там же: 166]. Причиной же его страдания становится воспоминание о ней: оно «как-то особенно, как-то совсем отдельно меня мучило» [Там же: 165], «точно как будто я одной Лизой и мучился» [Там же: 165]. Героя беспокоит не собственная нищета (хотя он ее стыдится) и даже не то, что он «струсит, семенить перед ней начнёт, закрываться полами халата, улыбаться», «лгать» [Там: 165], «не в этом главная скверность», «тут есть что-то главнее, гаже, подлее!» [Там же: 160]. Его беспокоит нравственное превосходство Лизы: «она считала себя бесконечно ниже» его и потому не могла «озлиться, обидеться» [Там же: 175]. Он относит Лизу к разряду «чистых сердец», «поганных сантиментальных душ» [Там же: 166]. Своими историями он смог «повернуть всю [ее] человеческую душу по-своему» [Там же: 166]. Чистота падшей Лизы ясно осознаётся им: «То-то девственность-то! То-то свежесть-то почвы!» [Там же: 166]. Она способна просто любить (пришла, «чтоб

любить меня» [Там же: 176]), для него же любить, значит, «тиранствовать и нравственно превосходить» [Там же: 176], «иначе и не представлял себе любви, как *борьбою*, начинал ее всегда с ненависти и кончал нравственным покорением» [Достоевский, 1973: 176] (Курсив наш – С.К.). Рядом с «подпольным» никто не может быть счастлив: «Разве дам я ей счастье? <...> Разве я не замучу ее!» [Там же: 177]. Он признаёт: «я человек мерзкий и, главное, не в состоянии любить ее [Лизу]» [Там же: 176]. Ему вообще нет дела до Лизы: «какое дело мне до тебя и до того, погибаешь ты там или нет?» [Там же: 174]. При её появлении герою хочется убежать («не убежать ли так, как есть, в халатишке, куда глаза глядят, а там будь что будет») [Там же: 172]. Он боится её («я вот дрожал эти три дня от страха, что ты придешь» [Там же: 174]), того, что она понимает его положение: «ты презираешь меня?» спрашивает он, «дрожа от нетерпения узнать, что она думает» [Там же: 172].

Злоба на Лизу «подпольного» связана со злобой на себя: «я злился на себя, но, разумеется, достаться должно было ей. Страшная злоба против нее закипела вдруг в моем сердце; так бы и убил ее, кажется» [Там же: 172]. Он хочет «отмстить ей». Потому что «она же всему причиною» [Там же]. Сам он объясняет своё поведение: «надо же было обиду на ком-нибудь выместить», «ты подвернулась, я над тобой и вылил зло и насмеялся» [Там же: 173]. «Я уж ненавижу тебя, потому что я тебе тогда лгал» [Там же]. Основное хотение «подпольного» – это «унизить», «власть показать»: «*власти* мне надо было тогда, *игры* было надо, *слез* твоих надо было добиться, *унижения, истерики* твоей» [Там же] (Курсив наш – С.К.). Но мы видим, что «роли <...> окончательно переменялись, что героиня теперь она, а я точно такое же униженное и раздавленное создание». Отсюда и появляется «личная, завистливая к ней ненависть...» [Там же: 176]. Он не перестаёт злиться на героиню до конца: «одна ты за все это ответить должна, потому что ты так подвернулась», «высказав тебе это, тебя ненавижу»

буду за то, что ты тут была и слушала» [Там же: 174]. Он «сознавал всю «омерзительную низость» своей «злой глупости» [Там же: 172].

У «подпольного» начинается истерический «припадок», в котором он впервые искренне открывает свою душу, сам он после своей тирады говорит: «Ведь человек раз в жизни только так высказывается, да и то в истерике!..» [Достоевский, 1973: 130]. Сущность его характера проявляется именно в этот момент. Звучит приговор «подпольного» самому себе. «Подпольный» – «мерзавец, подлец, себялюбец, лентяй», «самый гадкий, самый смешной, самый мелочной, самый глупый, самый завистливый из всех на земле червяков» [Там же: 174] (Курсив наш – С.К.).

Внутренне подполье не даёт быть герою добрым: «что-то безобразное подавило во мне тотчас же всю жалость»; «я не могу быть... *добрым!*» [Там же: 175] (Курсив наш – С.К.). Главная черта «подпольного», которую замечает Лиза – *несчастье* («она поняла, что я сам несчастлив» [Там же: 174]). Это и черта «лишнего человека».

От типа «маленького» человека в «подпольном» – его бедно устроенная жизнь: он живёт в «комнате дрянной, скверной, на краю города» [Там же: 101]. Как любой «маленький человек» герой подобострастен, услужлив: «я шмыгал, как вьюн, самым некрасивым образом, между прохожими, уступая непрерывно дорогу то генералам, то кавалергардским и гусарским офицерам, то барыням» [Там же: 130], при этом он чувствует свою униженность: «подпольного» не замечают, люди, занимающие более высокое социальное положение, обращаются с ним как с «мухой» (ср.: на Башмачкина глядели «как будто бы через приемную пролетела простая муха» [Гоголь, 1938: 143]): «подпольный» называет себя «мухой, <...> гадкой, непотребной мухой, <...> непрерывно всем уступающая муха, всеми униженная и всеми оскорбленная» [Достоевский, 1973: 130].

Однажды в «трактиришке» офицер убрал с пути «подпольного», взяв его «за плечи и молча,— не предупредив и не объяснившись,— переставив

<...> с того места, где <...> стоял, на другое, а сам прошел как будто и не заметив» [Там же: 128]. В отличие от Акакия Акакиевича «подпольного» возмущает такое отношение: «я бы даже побои простил, но никак не мог простить того, что он меня переставил и так окончательно не заметил» [Достоевский, 1973: 128]. С этой минуты начинается затаённое ожидание мести: герой «потихоньку, начал разузнавать об этом офицере», ходить за ним, всё это время обида не утихает в герое: сначала он пишет обличительную повесть на офицера, потом решает вызвать противника на дуэль, мечтая о дружбе с офицером: «он бы защищал меня своей сановитостью; я бы облагораживал его своей развитостью» [Там же: 129], и пишет об этом письмо, которое не посылает. На Невском, где герой «любуется» офицером, он каждый раз мучается, что «даже и на улице никак не может быть с ним на равной ноге» [Там же: 130]. В этом бунте проявляется специфика «подпольного», его иррациональность: общепринятое правило «чин чина почитай» поддаётся сомнению у «подпольного», он бросает вызов иерархично устроенному обществу, в котором, сам того не желая живёт по общепринятому правилу «чин чина почитай». Желая оказаться равным офицеру, «подпольный» мечтает толкнуть его.

«Записки из подполья» обнаруживают почти дословную цитацию «Шинели» Н.В. Гоголя: шинель «подпольного», по его словам «очень была недурна, грела; но она была на вате, а воротник был енотовый, что составляло уже верх лакейства» [Там же: 131] (ср. «шинель на толстой вате» [Гоголь, 1938: 154] с воротником из кошки Акакия Акакиевича), герой захотел большего: «Надо было переменить воротник во что бы ни стало и завести бобрик, вроде как у офицеров» [Достоевский, 1973: 131]. Это то же стремление к комфорту, роднящее героя с гоголевскими героями: Башмачкиным, Чичиковым. Герой стремится к приобретению вещи, но для «подпольного» новый воротник на шинели приобретает больший смысл:

воротник является показателем статуса. Амбиции и тщеславие подталкивают «подпольного» изменить статус посредством замены материала воротника.

Покупка нового бобрового воротника – первый шаг бунтующего «подпольного» в желании столкнуться с офицером. Герою удаётся выполнить свой план: «я достиг цели, поддержал достоинство, не уступил ни на шаг и публично поставил себя с ним на равной социальной ноге» [Достоевский, 1973: 132], офицер же «даже и не оглянулся и сделал вид, что не заметил» столкновения [Там же]. «Подпольный», как и «маленький человек» сталкивается со «значительным лицом», но считает себя «отмщенным за всё» [Там же].

Униженное положение в обществе, незначительность, «маленькость» героя вызывает в «подпольном» чувство острой социальной несправедливости и униженности, доставляя ему бесконечные мучения. И хотя это герой бунтующий, жаждущий мести, он не в силах изменить устройство общества и живёт по его законам.

«Подпольный» слаб, как и «маленький человек», он малодушен, труслив: «не решился бы что-нибудь сделать, если б даже и мог» [Там же: 103], он называет себя «просто трусом» [Там же: 123], «трусом и рабом» [Там же: 125], он «никогда не был трусом в душе, хотя непрерывно трусил на деле» [Там же: 128].

Главное отличие от «маленького человека» – это большие амбиции «подпольного», честолюбие, отсутствие смирения, безропотности.

С «новым человеком» героя роднит теория «собственной воли» (которая, в частности, продолжится в сюжете о «Великом инквизиторе» в романе «Братья Карамазовы» и разовьётся в тему бунта против Бога): «Стою я... за свой каприз» [Там же: 119], «есть один только случай, <...> когда человек может нарочно, сознательно пожелать себе даже вредного, глупого, даже глупейшего, а именно: чтоб *иметь право* пожелать себе даже и глупейшего» [Там же: 115] (Курсив автора). Герой считает, что «хотенье есть

проявление всей жизни» [Там же: 115]. «Самая выгодная выгода» – «своё собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия» [Достоевский, 1973: 113]. «Подпольный» считает, что «человеку надо – одного только *самостоятельного* хотенья, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы ни привела» [Там же: 113] (Курсив автора). Для «подпольного» «страдание-то ровно настолько же и выгодно, как благоденствие» [Там же: 119]. «Подпольный» – разночинец, сознание его направлено против идеи разума, он иррационален. В этом проявляется полемика с Н.Г. Чернышевским.

Итак, основными психологемами образа-характера «подпольного» являются: сиротское несчастливое детство, одиночество, неспособность к дружбе и любви, гордыня, самолюбие, эгоизм, властолюбие, презрение к людям, мстительность, стремление к тирании, самоуничужение, рефлексия, раздвоение, озлобленность, безделье, скука, тоска. Вся его жизнь – «нравственное растление в углу», «отвычка от живого и тщеславная злоба в подполье» [Там же: 178]. «Подпольный» – «*антигерой*» [Там же] (Курсив наш – С.К.), он находится в «антипространстве», отрешён от «*живой жизни*» [Там же: 176] (Курсив наш – С.К.). Любовь могла бы вернуть героя к жизни, но эта «“живая жизнь“ с непривычки придавила» [Там же]. «Подпольный» словно навсегда утратил прежнюю природу; он говорит: «Мы даже и человеками-то быть тяготимся <...> и норовим быть какими-то небывалыми общечеловеками» [Там же: 179]; мы «*мертворождённые*» [Там же: 179] (Курсив наш – С.К.). В этом проявляется сущность «нового человека». По Ф.М. Достоевскому, тот, «кому будет всё равно жить или умереть – тот и будет новый человек» [Достоевский, 1974: 93].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

Психологемы «нового человека» во многом сходятся с психологемами «лишнего человека»: то же неприятие ценностей, идеалов, существующего порядка, маргинальное положение, пустота слова, отрицание Бога, безверие.

«Новые герои» у И.С. Тургенева не просто близки к типу «лишнего человека», по сути, это один тип в своей эволюции. Они объединены одной болезнью, *лишностью* на земле, духовной мертвенностью. «Новый человек» становится революционером, бунтарём, желающим изменить общество. Это человек идеи, с «вероучением наизнанку». Отказавшись от Бога, «новый человек» ставит на его место себя и свою идею.

Герои Н.Г. Чернышевского – те же нигилисты, только нашедшие утвердительную идею – идею революции / «перемены декораций». Полное господство разума делает не Бога, а «нового человека» высшей ценностью, «мерой всех вещей». Для Ф.М. Достоевского важно было показать несостоятельность, антиприроду «нового человека».

Ф.М. Достоевский и Н.Г. Чернышевский, изображая «нового человека», смотрят на него с диаметрально противоположных позиций. Суть разногласия в том, что у Н.Г. Чернышевского «новые люди» ни при каких условиях не могут быть лишними. Это люди идеальные, идеологи – образцы будущего, строители земного рая – образцового будущего. В восприятии автора они окружены ореолом святости. Ф.М. Достоевский, как и И.С. Тургенев, видит совершенно другое: трагическую ошибку в увлечении новыми идеями. Писатель-почвенник и писатель-либерал сходятся в том, что «новые» – это вчерашние «лишние», ищущие смысл, силу и цель в демонических идеях переустройства мира на основании своих убеждений.

«Подпольный» совмещает в себе черты разных литературных типов. Каждая черта доведена в образе-характере «парадоксалиста» до крайности, гиперболизирована. От «маленького человека» это прежде всего социальная униженность, подчинённое положение и как следствие подобострастие,

трусость, желание возвыситься. Остро ощущая свою униженность, герой поднимается на бунт, но не в силах переменить иерархично устроенное общество, доходит до такого состояния, что «в самом чувстве собственного унижения» «отыскивает наслаждение» [Достоевский, 1973: 107].

Важно, что герой живёт идеей и уже не идеей шинели – здесь сложнее: идея переворачивает мирустройство, она направлена «против всего»: «против законов», «рассудка», «собственной выгоды» [Там же: 111]. Это, безусловно, роднит «подпольного» с «новым человеком», отрицающим всё и признающим только свою идею, пусть и противоположную по смыслу.

«Подпольный» тоже революционер, но революционер сознания. На деле он, как и «лишние люди», неспособен к действию, он ничем в жизни не смог заняться, не нашёл себе применения и в целом не состоялся.

Заметим, что «подполье» героя сформировала не социальная действительность – оно всегда было с ним, с самого детства. Выросший без семьи, оказавшийся чужим в школе, уже с детства герой был изгоем, чужим, он не сумел подружиться, установить с кем-либо тёплые отношения. Травма и болезнь формируют характер «подпольного». И он осознаёт это. Рефлексия, самоанализ доведены в образе «подпольного» до крайней степени: он жаждет власти, но понимает, что слаб; он хочет считать себя умнее всех, но понимает, что имеет глупое лицо; герой желает отомстить, но «трусит на деле», он понимает, что несчастлив и (частично) может объяснить причины («без семьи вырос»). Бессмысленность и бесцельность существования оборачивается тем, что после «подпольного» (как и после «маленького», «лишнего», «нового человека») на Земле не остаётся никакого следа. «Подпольный» – антигерой. На пустующее место Бога он ставит себя, свой каприз, свои «идейки».

«Подпольный» осознаёт свою антиприроду и поэтому мучается, он не может быть другим, добрым. В большей степени эта истина открывается перед героем, когда он понимает, что проститутка Лиза нравственно

превосходит его. «Подпольный» не разрушает жизни Лизы, как «лишний человек», потому что жизнь её уже разрушена, и не спасает как «новый человек» Н.Г. Чернышевского. В результате герой «переворачивает душу» Лизы и вымещает на ней свою злобу, которую испытывает к себе. Античеловеческое начало доведено в «подпольном» до абсолюта, он не только никого не любит, но и не способен испытать жалость и сочувствие.

В характере «подпольного» проступает болезнь, нравственное растление, объяснением которому становится антиприрода антигероя, которую Ф.М. Достоевский называет «мертворождённостью». Духовная мертвенность, безверие, отрицание ценностных норм, богоборчество – ключевые психологемы образа «подпольного».

Имея комплекс «маленького», «лишнего», «нового» человека, герой из «подполья» обладает специфическими чертами. Во-первых, в нём все мотивы доведены до крайностей, «подпольный» остро чувствует свою неустроенность в жизни, страдает от чрезмерного тщеславия, осознаёт своё несчастье, доходящее до отчаяния. Во-вторых, «подпольный» носитель идеи, которая все «классификации разрушает и все системы <...> разбивает» [Там же], в герое сильно иррациональное начало.

В результате исследования были выявлены следующие психологемы «подпольного»: несчастливое детство, одиночество, неспособность к дружбе, эгоизм, презрение к людям, безделье, скука, тоска, самолюбие, гордыня, самоуничтожение, двойственность, рефлексия, желание власти, озлобленность, невозможность любить, дать счастье, жизнь= «нравственное растление в углу», отрешённость от «живой жизни», духовная мертвенность.

Общие с рассмотренными литературными типами психологемы «подпольного» можно представить в следующей таблице:

Таблица. Психологемы «подпольного человека»

«Подпольный»		
От «маленького человека»	От «лишнего человека»	От «нового человека»
существо незаметное, сущность «мухи»	склонность к рефлексии, двойственность природы героя	наличие идеи, занимающей все мысли героя
слабость, малодушие	скука, тоска	двойственное положение
страдание от слабости и ошибок	болезненность, духовная мертвенность	отрицание традиционных ценностей, авторитетов, старого времени
чувство униженности	изгойство, доходящее до маргинальности	безверие, отрицание бога, замена бога своим «я»
ущербность личности	властолюбие, гордость	положение разночинца
стремление к бунту, отмщению, но невозможность его реализации	бездеятельность, пустота действий, слов, духовная пустота	революционность, стремление к переустройству мира
духовная несостоятельность, мертвенность	безысходность, разочарование в жизни, стремление к смерти	
отсутствие бога	эгоизм, себялюбие	
история «обиды и несчастья»	презрение к другим людям, ненависть, злоба, разрушение другой жизни	
отсутствие традиционных ценностей	театральность, игра, ложь, ношение маски	
ограниченность внутреннего мира социальным правилом «чин чина почитай»	отрицание традиционных ценностей, антихристианское наполнение, кризис религиозности, безверие	
конфликт с «значительным лицом»	отсутствие семьи, несчастье в любви	
антиприрода героя	несостоятельность, бессмысленная, несчастливая жизнь	

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблема анализа образа-характера героев и их классификации остаётся важной, актуальной проблемой в современном литературоведении.

В нашей работе была предпринята попытка смоделировать сюжетно-мотивных комплексы «маленького», «лишнего», «нового» и «подпольного» человека, иллюстрирующие сущность каждого из типов.

Большинство литературоведов сходится в том, что тип «маленького человека» появляется в русской литературе в 30-40-е гг. XIX века в творчестве А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя и продолжается в творчестве Ф.М. Достоевского.

Возникновение типа «маленького человека» также связывают с произведениями XVIII века: героями «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева и «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина. А.С. Пушкин продолжает традицию, при этом переосмысляя сентименталистскую концепцию.

На первый план в «Станционном смотрителе» выходит социальный конфликт. Именно он становится основой сюжета, в котором «маленький человек» и «значительное лицо» составляют неразрывную антагонистическую пару. Различные «значительные лица» ясно дают понять герою свое место, отчего «маленький человек» испытывает «надлежащую робость» [Гоголь, 1938: 166].

Критерием выделения типа «маленького человека», прежде всего, является занимаемое им низкое положение на социально-иерархической лестнице, его подчиненное, униженное положение. Ю.В. Манн считает, что герои, составляющие тип «маленького человека», объединены «тем, что они занимают одно из низших мест социальной иерархии и что это обстоятельство определяет их психологию и общественное поведение (приниженность, соединенная с ощущением несправедливости, уязвленной

гордостью)» [Манн, 1987: 207–208]. «Развитие сюжета строится главным образом как история обиды, оскорбления, несчастья» [Там же].

Самсон Вырин – один из тех, кто занимает нижнюю ступень Табели о рангах. Его двойником является и повествователь, титулярный советник А.Г.Н., находящийся «в мелком чине». С такими героями «не церемонятся». Для символического выражения типичной ситуации А.С. Пушкин избрал фигуру проезжающего генерала и «дрожащего» зрителя. Аналогично поступает и Гоголь. Такие социальные взаимоотношения – унижающие человеческое достоинство, потенциально конфликтные – оформлены в виде «общеудобного правила: *чин чина почитай*» [Пушкин, 1960: 88] (Курсив автора).

Самсон Вырин открывает череду «маленьких людей». Первоначальное описание героя дано в идеальном ключе, отчасти в духе агиографической терминологии: он из числа «мирных, от природы услужливых, склонных к общежитию, скромных в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивых» [Там же: 87], из тех, чья служба – мученичество. Он «добрый» [Там же: 92], его жилище названо «смиренной, но опрятной обителью» [Там же: 88].

Говоря о судьбе Самсона Вырина, нельзя упустить повествование о его дочери – Дуне: сюжеты сплетены в единое целое. Через историю о Дуне А.С. Пушкиным интерпретируется притча о блудном сыне. В «разумной» и «проворной» Дуне подчёркнута поразительная красота и кокетство. Эта характеристика героини и «картинки на стене», изображающие «развратное поведение молодого человека: он сидит за столом, окруженный ложными друзьями и бесстыдными женщинами» [Там же: 88], настраивают читателя на тревожные ожидания. Красота, кокетство и определённый опыт общения с мужчинами ведут повествование к катастрофе: девушка плачет, но уезжает с Минским кажется «по своей охоте» [Там же: 93]. Вопреки сюжету притчи для Дуни эта история заканчивается, по-видимому, вполне благополучно,

зато для Самсона Вырина оборачивается катастрофой: старик «не снёс своего несчастья» [Пушкин, 1960: 92]. Тот факт, что отец Дуни не увидел в ней те черты характера, которые сразу заметил случайный проезжающий, свидетельствует о духовной несостоятельности и слепоте Самсона Вырина. Известие о побеге Дуни для зрителя становится «убийственным»: покаяния перед живым не происходит, «заблудшая овечка» возвращается лишь на могилу своего отца.

Как заметил В.И. Тюпа, «рыжий и косой» мальчик (демонический образ), проводник автора-повествователя «в стране мёртвых», кощунственно вспрыгивает на могилу Самсона Вырина, что даёт основания увидеть связь умершего с демоническим пространством. Тем более что в конце жизни Вырин связан с локусом кабака, а не храма.

Аналогичные смыслы реализованы Н.В. Гоголем в «Шинели». Акакий Акакиевич также заявлен в начале повести как положительный герой (через мифологему имени: «незлобный, добрый, невинный, простодушный», «тихий»). Однако он оказывается носителем той же внутренней сущности, что и его обидчики. Н.В. Гоголь приравнивает Башмачкина к его коллегам и к чиновникам-мухам из «Мёртвых душ». Чиновничье братство осмеяно автором. Обитатели российских канцелярий и кабинетов бесчеловечны, духовно мертвы. Как и Чичиков, Башмачкин – представитель антимира. Если для Н.В. Гоголя духовное возрождение героя связано с обращением к Богу, то существенно, что Акакий Акакиевич ни разу не был в церкви. (В отличие от Самсона Вырина, который хоть однажды, но служит молебен у Всех Скорбящих.) Его аскеза, духовность, дерзость и отвага оказываются значениями с перевернутым смыслом, предстают как подменные, связанные исключительно с осуществлением «идеи» вещи – «шинели» (отсюда неслучайность названия повести). В финале антиприрода персонажа проявляется окончательно. Психологемы, заключенные в имени, переворачиваются. «Незлобный» оказывается «злобным», «добрый» –

«злым», «невинный» – «виновным», «тихий» – «бунтующим», «мстительным» и «гордым».

В русской литературе 20–70-х гг. XIX века ведущим литературным типом становится «лишний человек». Его главные черты – «отчуждение от официальной России; от родной среды (обычно дворянской), чувство интеллектуального и нравственного превосходства над ней и в то же время – душевная усталость, глубокий скептицизм, разлад слова и дела» [Манн, 1987: 204].

Термин «лишний человек» вошел во всеобщее употребление в 1850 году после появления «Дневника лишнего человека» И.С. Тургенева, в котором его герой, Чулкатурин, говорит: «я был совершенно *лишним человеком* на сем свете» [Тургенев, 1980. Т.4: 172] (Курсив наш – С.К.).

В произведениях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и И.С. Тургенева мы встречаем общий тип личности: «лишнего» / «нового» человека. Для него характерно почти полное отсутствие самореализации: Евгений Онегин, Григорий Печорин и «лишние люди» Тургенева проживают скучную и мучительную, бессмысленную жизнь – без любви, дружбы, семьи. Если в качестве исключения случается любовь, то она характеризуется как «несчастливая». Если даже у «лишнего» есть семья, то описание семейной жизни предстает необычайно странным, определяемым тем же словом. (Яркий пример – рассказ И.С. Тургенева «Гамлет Шигровского уезда»). Характер героев устроен так, что достижение счастья становится невозможным; дружба, семья, любовь, заменяются симулякрами.

Бесцельность и бессмысленность существования осознаётся героями, они мучительно над этим размышляют. В тургеневском «лишнем» в полной мере и прямо подчёркнуто осознание собственной всеохватной неспособности к жизни. Писатель трактует «лишнего» как человека предельной ситуации: без него Вселенная «обошлась» бы, на его появление сама «природа не рассчитывала» [Тургенев, 1980. Т.4: 173]. Изгойство –

прирожденное качество «лишних людей», они всюду «чужие», нигде не могут найти своего места, не говоря уже о счастье.

Уныние, скука, гордыня, душевная пустота, скитальчество – эти мотивы отождествляют героев с образом демона. Демоническое начало – основа «внутреннего» «лишнего». Эгоизм и презрительная снисходительность к ближним, презрение к чужой судьбе – препятствия на пути к живой жизни. Героям свойственен нравственный вампиризм, неслучайно в произведениях их сравнивают с Демоном, Вампиром, Мельмотом, Мефистофелем, Вечным Жидом.

Функция «лишнего человека» разрушительная, он сам несчастлив и приносит несчастья другим. Его душа «холодна», а сердце «пусто». Рефлектирующие герои, гамлеты, мучительно размышляют о своём «несчастном характере», но приходят только к тому, что не видят выхода из своего патологического состояния. Печорин признаётся: «одна половина души моей *не существовала*, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, – тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого» [Лермонтов, 1962: 78] (Курсив наш – С.К.). Главный герой тургеневского романа «Новь» говорит: «во мне сидят два человека – и один не дает жить другому» [Тургенев, 1982: 370]. Важно, как характеризует свою душу Печорин: она мертва. У И.С. Тургенева в «Нови» в реплике Нежданова открывается вся сущность «лишнего» / «нового» человека: «Как могу я присоединить навсегда ее [Марианны] судьбу к моей? Живое существо – к *труп*? Ну, не к трупу – к *существо* полумертвому?» [Тургенев, 1982: 325] (Курсив наш – С.К.).

Охваченные нравственной болезнью, психопатологией, герои больше стремятся умереть, чем жить. Евгений Онегин оказывается на краю смерти. Дальнейшая его жизнь, вероятно, пройдет «в тоске безумных сожалений» [Пушкин, 1960: 174]. Григорий Печорин, как он сам ожидал и предсказывал, умирает (по дороге из Персии). Почти все «лишние герои» И.С. Тургенева

находят выход в смерти: от болезни умирает Чулкатурин, Алексей Петрович С... (из повести «Переписка»), Базаров, Инсаров. Рудин находит смерть на баррикаде, Нежданов оканчивает жизнь самоубийством.

Таким образом, «лишний человек» – это человек суицидальный, устремленный к разрушению и смерти. Он видит в ней единственный выход, в жизни же он чувствует себя человеком, разыгрывающим непонятные ему роли. И ни одна из них ему не по нраву. Ради развлечения, ради того, чтобы убежать от скуки герой ввязывается в интриги, игры, которые губительны для других. Собственно, во всем этом выражается функция героя-демона.

Перечислим основные психологемы, моделирующие образ «лишнего человека» и извлеченные из названных (рассмотренных нами) в работе произведений: *скука, тоска, хандра, сплин, одиночество, гордыня, эгоизм, властолюбие, скитальчество, изгойство, пустота, бездеятельность, донжуанство / разврат, театральность, игра, ложь, ношение маски, раздвоенность личности, безысходность, разочарование в жизни, стремление к смерти. Герой неспособен найти своё место в мире; не видит применения своим силам; слаб и безволен; не знает, куда идти. Для него характерны: антихристианское восприятие мира, отрицание и безверие; духовная пустота; отказ от традиционных ценностей; (преимущественно) отсутствие семьи; (часто) несчастье в любви; университетское образование; дар красноречия при утрате смысла слова, маргинальность (часто при значительном социальном статусе); фиксация сознания на самом себе; восприятие реальности как игры; безуспешный поиск смысла; деятельность без цели; претензия на значительность, нежелание принять свою судьбу и т. п.* Все это названо авторами *недугом, болезнью, законами больного развития и состояния, психопатологией, несчастьем, проклятием.*

«Новые герои» у И.С. Тургенева не просто близки к типу «лишнего человека», по сути, это один тип в своей (очень быстрой) эволюции. Они объединены одной *болезнью, лишностью* на земле, духовной мертвенностью.

«Новый человек» отличается от «лишнего» тем, что находит / пытается найти смысл своего существования в идее – он становится революционером, бунтарём, желающим изменить общество. Это человек с «вероучением наизнанку». Отказавшись от Бога, он ставит на его место себя и своё новое учение.

Герои Н.Г. Чернышевского – те же нигилисты, только оцененные автором с противоположной точки зрения. Также утвердительно оценена и их идея революции / «перемены декораций». Полное господство разума делает не Бога, а «нового человека» высшей ценностью, «мерой всех вещей». Для Ф.М. Достоевского, в отличие от Н.Г. Чернышевского, важно было показать несостоятельность, антиприроду «нового человека».

Ф.М. Достоевский и Н.Г. Чернышевский, изображая «нового человека», смотрят на него с диаметрально противоположных позиций. У Н.Г. Чернышевского «новые люди» ни при каких условиях не могут быть лишними. Это люди идеальные, идеологи – строители земного рая, образцового будущего. Ф.М. Достоевский, как и И.С. Тургенев (!), видит совершенно другое: трагическую ошибку в увлечении новыми идеями. Писатель-почвенник и писатель-либерал сходятся в том, что «новые» – это вчерашние «лишние», ищущие смысл, силу и цель в демонических идеях переустройства мира.

«Подпольный» совмещает в себе черты всех названных литературных типов. Каждая черта доведена в образе-характере «парадоксалиста» до крайности, гиперболизирована. От «маленького человека» ему досталась, прежде всего, социальная униженность, подчинённое положение и как следствие подобострастие, трусость, желание возвыситься. Остро ощущая свою униженность, герой поднимается на бунт, но не в силах что-либо переменить, доходит до такого состояния, что «в самом чувстве собственного унижения» «отыскивает наслаждение» [Достоевский, 1973: 107].

При этом герой – «новый человек», он живёт идеей. Она направлена «против всего»: «против законов», «рассудка», «собственной выгоды» [Там же: 111]. Так Ф.М. Достоевский формулирует ответ Н.Г. Чернышевскому на его роман «Что делать?».

Заметим, что «подполье» было с героем с самого детства. Выросший без семьи, оказавшийся чужим в школе, герой был изгоем. Травма, перенесенная в детстве, формирует характер «подпольного». Духовная болезнь, нравственное растрепание, озлобленность и несчастье определяют то, что Ф.М. Достоевский называет «мертворождённостью».

«Подпольный» осознаёт свою антиприроду, мучается от того, что не может быть другим, добрым. В большей степени эта истина открывается перед героем, когда он понимает, что проститутка Лиза нравственно превосходит его. «Подпольный» не разрушает жизни Лизы, как «лишний человек», потому что жизнь её уже разрушена. Он не спасает Лизу как «новый человек» Н.Г. Чернышевского. Потому что он антипод Лопуховых и Кирсановых, хотя и сам «новый». Герой «переворачивает душу» Лизы и вымещает свою злобу. Античеловеческое начало доведено в «подпольном» до абсолюта, он не способен испытать жалость и сочувствие.

«Подпольный» – антигерой. На пустующее место Бога он ставит себя, свой каприз, свои «идейки».

Имея характеристики «маленького», «лишнего» и «нового» человека, герой «подполья» обладает специфическими чертами. Подпольный носитель абсолютного иррационализма, его идея все «классификации разрушает и все системы <...> разбивает» [Достоевский, 1973: 111].

Нами были выявлены следующие психологемы, составляющие образ «подпольного»: несчастливое детство, одиночество, гордыня, эгоизм, желание власти, невозможность любить и дать счастье, неспособность к дружбе, презрение к людям, безделье, скука, тоска, самолюбие, самоуничтожение, рефлексия, двойственность, озлобленность. Его жизнь –

«нравственное растрение в углу», отрешённость от «живой жизни», духовная мертвенность.

Таким образом, в творчестве разных писателей мы обнаруживаем типологическое сходство, которое проявляется в несостоятельности рассмотренных типов героев. Проблема, занимавшая умы великих писателей, – это дух человека, который на поверку оказывается духом мёртвым. Поэтому все попытки героев найти смысл и цель в жизни, начать действовать, стать счастливыми безуспешны.

Перспективы дальнейшего исследования вопроса мы видим в расширении круга анализируемых произведений, прежде всего, с целью более полного и точного построения сюжетно-мотивных комплексов, характеризующих рассмотренные типы, а также динамики их развития, трансформации в творчестве других авторов. Например, для уточнения набора психологем, присущих типу «маленького человека», необходимо рассмотреть роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди», произведения А.П.Чехова и т. д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин А.А. Тема лишнего человека в русской классике [Электронный ресурс]. URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/37141.php?ELEMENT_ID=37141&PAGEN_2=2&SHOWALL_2=1&PAGEN_1=3 (дата обращения: 05.06.2017).
2. Аникин А.А. Тема маленького человека в русской классике [Электронный ресурс]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/37140.php> (дата обращения: 05.06.2017).
3. Анненков П.В. Литературные воспоминания. Л.: Academia, 1928. 662 с.
4. Бабик М.И. Образ героя-эстета в русской литературе XIX-XX века (генезис и эволюция): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Киев, 2007. 227 с.
5. Батюто А.И. Комментарии: И.С. Тургенев. Отцы и дети. // И.С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1981. Т.7. С. 416–469.
6. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч.: В 7 т. М.: Русские словари: Языки славянской культуры, 2002. Т.6. С. 7–300, 466–505.
7. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья восьмая [Электронный ресурс]. 1844. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_0190.shtml (дата обращения: 13.06.2018).
8. Бельтраме Ф. О парадоксальном мышлении «подпольного человека» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2007. Т.18. С. 135–142.
9. Беляев Д.А. Специфика имплицитного бытования идеи сверхчеловека в отечественной культуре XIX века [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-implitsitnogo-bytovaniya->

idei-sverhcheloveka-v-otechestvennoy-kulture-xix-veka (дата обращения: 22.05.17).

10. Беляев Д.А. Универсальность и национальная самобытность идеи сверхчеловека в творчестве Ф.М. Достоевского // Аналитика культурологии. 2012. № 24. С. 11–15.

11. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: Наука, 2001. 608 с.

12. Берковский Н.Я. О «Повестях Белкина» (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. М., Л.: Государственное издательство художественной литературы. 1960. С. 94–207.

13. Благой Д.Д. Мастерство Пушкина. М.: Советский писатель, 1955. 268 с.

14. Бродский И.А. Комментарий к «Евгению Онегину» // Комментарий к памятникам художественной литературы / под ред. Н.Л. Бродского и Н.П. Сидорова. М.: Мир, 1932. 248 с.

15. Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев: творческий диалог. Л.: Наука, 1987. 200 с.

16. Бялый Г.А. О психологической манере Тургенева (Тургенев и Достоевский) // Русская литература. Л.: Наука, 1968. № 4. С. 34–50.

17. Вайль П., Генис А. Родная речь. Уроки изящной словесности [Электронный ресурс]. 1991. URL: <http://lib.ru/PROZA/WAJLGENIS/literatura.txt> (дата обращения: 06.06.2017).

18. Васильев В.К. О методологическом кризисе в литературоведении и структурной типологии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. Т. 99. 1. С. 243–253.

19. Васильев В.К. Сюжетная типология русской литературы XI-XX веков (Архетипы русской культуры): учеб. пособие. Ч. I. Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2005. 243 с.

20. Вацуро В.Э. Повести покойного Ивана Петровича Белкина [Электронный ресурс]. 1981. URL: <http://sobolev.franklang.ru/index.php/pushkin-i-ego-vremya/148-vatsuro-v-e-o-rovestyakh-belkina> (дата обращения: 24.05.2018).
21. Виноградова Е. Гамлетизм лишних людей // Молодые исследователи Чехова. 5: Материалы международной научной конференции. М.: Изд-во МГУ, 2005. С. 75–85.
22. Герцен А.И. Very dangerous!!! // Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859–1860 годов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 116–122.
23. Герцен А.И. Лишние люди и желчевики // Статьи из «Колокола» и другие произведения 1859–1860 годов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 317–328.
24. Гиппиус В.В. Повести Белкина // Литературный критик. М.: Гослитиздат, 1937. № 2. С. 19–55.
25. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений в 14 томах. Т. 3. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. 728 с.
26. Горшечникова Е.А. Поэтика образа «маленького человека» (переписчики) в творчестве Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Сер. : Літературознавство. 2011. № 3 (1). С. 29–34.
27. Гроссман Л.П. Путь Достоевского. Л.: Брокгауз-Ефрон, 1924. 238 с.
28. Гуревич А.М. «Евгений Онегин»: поэтика подражаний [Электронный ресурс]. URL: <http://sobolev.franklang.ru/index.php/pushkin-i-ego-vremya/215-a-m-gurevich-evgenij-onegin-poetika-podrazumevanij> (дата обращения: 22.03.16).
29. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.3. СПб.–М.: Тип. М.О. Вольфа. 1880–1882. 584 с.

30. Даниленко В.П. Неприкаянный человек в русской классической литературе // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2013. № 2. С. 226–238.
31. Деменева К.А. «Станционный смотритель» А.С. Пушкина и «Старший сын» А.В. Вампилова в контексте притчи о блудном сыне // Вестник Российского университета дружбы народов. Нижний Новгород, 2015. С. 44–51.
32. Дилакторская О.Г. Петербургская повесть Достоевского. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 348 с.
33. Дмитриевская Л.Н. Новый взгляд на образ «маленького человека» в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. Киев. 2009. № 4. С. 2–5.
34. Добролюбов Н.А. Когда же придёт настоящий день? [Электронный ресурс] // «Русский вестник». 1860. 1–2. URL: <http://sobolev.franklang.ru/index.php/pushkin-i-ego-vremya/148-vatsuro-v-e-o-rovestyakh-belkina> (дата обращения: 28.05.2018).
35. Добролюбов Н.А. Что такое обломовщина? [Электронный ресурс]. 1974. URL: http://www.lib.ru/LITRA/DOBROLYUBOW/oblomov.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 30.05.2018).
36. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т.10. Л.: Наука, 1974. 519 с.
37. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т.28, кн. 2. Л.: Наука, 1985. 616 с.
38. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т.5. Л.: Наука, 1973. 408 с.
39. Жирмунский В.М. Проблемы сравнительно-исторического изучения литератур // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XIX. Вып. 3. М., 1960. С. 177–186.

40. Каменев Л.Б. Нигилисты // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1929–1939. Т.8, 1934. С. 40–46.
41. Кантор В.К. Подпольный человек против «новых людей», или о торжестве зла в мироустройстве // Вопросы философии. 2015. 3. С. 102–115.
42. Касаткина К.В. Тип «подпольного человека» в русской литературе XIX–первой трети XX в.: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2016. 201 с.
43. Кийко Е.И. Комментарии: Ф.М.Достоевский. Записки из подполья // Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений в 15 томах. Л.: Наука, 1989. Т.4. С. 764–772.
44. Кирпотин В.Я. «Записки из подполья Ф.М. Достоевского» // Русская литература. 1964. № 1. С. 27–48.
45. Коршунков В.А. Гоголевский Акакий Акакиевич: имя и судьба // Русская речь. 1998. 3. С. 3–10.
46. Косяков С.А. Мечтатель и его трансформации в творчестве Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Воронеж, 2009. 22 с.
47. Криницын А.Б. Генезис и идейное становление подпольного героя в творчестве Ф. М. Достоевского [Электронный ресурс] // Православный образовательный портал «Слово». 2009. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/41481.php> (дата обращения: 05.06.2017).
48. Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека: К антропологии Ф. М. Достоевского. М.: МАКС Пресс, 2001. 372 с.
49. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 1993. № 4. С. 427–457.
50. Кропоткин П.А. Записки революционера [Электронный ресурс]. 1899. URL: <http://knigosite.org/library/read/1797> (дата обращения: 05.06.2017).
51. Лаврецкий А. «Лишние люди» // Литературная энциклопедия: В 11 т. М.: Изд-во «Советская Энциклопедия», 1932. Т.6. С. 514–540.

52. Левин Ю.Д. Комментарии: И.С. Тургенев. Гамлет и Дон-Кихот // И.С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1980. Т.5. С. 506–524.
53. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени / подгот. Б.М. Эйхенбаум, Э.Э. Найдич. М.: изд-во АН СССР, 1962. 228 с.
54. Лотман Л.М. «С того берега» Герцена и «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенева // Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. (Истоки и эстетическое своеобразие) [Электронный ресурс]. 1974. URL: <http://lotman.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5850> (дата обращения: 05.06.2017).
55. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Lotman/ (дата обращения: 10.03.2016).
56. Лотман Ю.М. Комментарий к «Евгению Онегину». Очерки дворянского быта онегинской поры [Электронный ресурс]. 1983. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/lot/lot-472-.htm> (дата обращения: 11.03.2016).
57. Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 325–348.
58. Манн Ю.В. «Истинно лишний человек» (Заметки о типологии характера) // Тургенев и другие. М.: РГГУ, 2008. С. 13–27.
59. Манн Ю.В. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 751 с.
60. Мануйлов В.А. Комментарии // Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. СПб.: Академич. проект, 1996. С. 193–369.

61. Маркович В.М. Петербургские повести Гоголя. Л.: Художественная литература, 1989. 208 с.
62. Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / пер. с англ. Р. Зерновой. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 226–244.
63. Набоков В.В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина [Электронный ресурс]. URL: http://lib.informaxinc.ru/pushkin/nabokov_eo/ (дата обращения: 10.03.2016).
64. Набоков В.В. Предисловие к «Герою нашего времени» [Электронный ресурс]. 1844. URL: <http://www.lib.ru/NAVOKOW/Lermontov.txt> (дата обращения: 14.06.2018).
65. Никольский С.А. «Лишние» и «новые» люди русской классической литературы: Анализ морального сознания // Человек. М., 2010. № 6. С. 37–54.
66. Одинокое В.Г. Поэтический мир Н.В. Гоголя в пространстве русской культуры XIX века: учебное пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2010. 109 с.
67. Паперно И.А. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма [Электронный ресурс]. 1996. URL: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/29465/ogl.shtml> (дата обращения: 10.06.2016).
68. Петрунина Н.Н. О повести «Станционный смотритель» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. Т.12. С. 78–103.
69. Печёрская Т.И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века: Феномен самопознания в аспекте филологической герменевтики [Электронный ресурс]. 1999. URL: <http://rassvet.websib.ru/text.htm?id=3&no=15> (дата обращения: 05.06.2017).

70. Поддубная Р.Н. Творчество Пушкина болдинской осени 1830 года как проблемно-художественный цикл // *Studia Rossica Posnaniensia* 12. 1979. С. 3–34.
71. Порус В.Н. Человек лишний // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2014. № 3. 115–124.
72. Пушкин А.С. *Собрание сочинений в 10 томах*. М.: ГИХЛ, 1960. Том 3. С. 86–98.
73. Пушкин А.С. *Собрание сочинений в 10 томах*. М.: ГИХЛ, 1960. Том 4. С. 86–98.
74. Пушкин А.С. *Собрание сочинений в 10 томах*. М.: ГИХЛ, 1960. Том 5. С. 86–98.
75. Пьеге-Гро Н. введение в теорию интертекстуальности: пер. с фр. / под ред. Г.К. Косикова. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.
76. Розанов В.В. Литературные типы [Электронный ресурс] // «Новое Время», 1911. URL:
http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_literaturnye_tipy.html (дата обращения: 05.06.2017).
77. Розанов В.В. О происхождении некоторых типов Достоевского (литература в переплетениях с жизнью) [Электронный ресурс] // «Русское слово», 1911. URL:
http://modernlib.ru/books/rozanov_vv/o_proishozhdenii_nekotorih_tipov_dostoevskogo_literatura_v_perepleteniyah_s_zhiznyu/read_3/ (дата обращения: 05.06.2017).
78. Седина Е.В. Система ценностей Печорина («Герой нашего времени М. Ю. Лермонтова») // *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение*. 2010. № 3. С. 125–129.

79. Семенова А.С. Дендизм как социокультурный мотив в поведении и творчестве русских писателей 1810-1870-х годов: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб, 2009. 209 с.
80. Сокурова О.Б. Гоголь и город: опыт духовного путеводителя [Электронный ресурс]. URL: http://www.portal-slovo.ru/philology/37068.php?ELEMENT_ID=37068&PAGEN_1=3 (дата обращения 23.11.2017).
81. Страхов Н.Н. Наша изящная словесность // Отечественные записки. СПб.: 1867. № 2. С. 544–556.
82. Тихомиров Б.Н. «Записки из подполья» как художественное целое. Опыт прочтения // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2010. № 27. С. 40–73.
83. Трубецкой С.Н. Лишние люди и герои нашего времени. Собр. соч. Т.1. М., 1907. 372 с.
84. Трухтин С.А. «Векторный» анализ романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://www.proza.ru/2010/01/02/944> (дата обращения: 22. 03. 16).
85. Тургенев И.С. Гамлет и Дон-Кихот // Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1980. Т.5. С. 330–348.
86. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: 30 т. М.: Наука, 1980. Т.4. С. 166–216.
87. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: 30 т. Т.7. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1981. 560 с.
88. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: 30 т. Т.9. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1982. 575 с.
89. Тюпа В.И. Двужычие «Повестей Белкина»: анекдот и притча [Электронный ресурс]. 1999. URL: <http://lingvotech.com/tyupa-99> (дата обращения: 29.05.2018).

90. Уздеева Т.М. Типообразующие признаки «новых людей»: от символики до антропософии (по роману Н. Г. Чернышевского «Что делать») // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. С. 217–220.
91. Федосеенко Н.Г. К вопросу о типологическом характере «лишнего человека»: скитальцы Ф. М. Достоевского // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 87. С. 108–115.
92. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века [Электронный ресурс]. 2012. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=59643> (дата обращения: 29.05.2018).
93. Фесенко Э.Я. Русская литература XIX века в поисках героя. М.: Академический Проект, 2013. 653 с.
94. Хализев В.Е., Шешунова С.В. Цикл А.С. Пушкина «Повести Белкина»: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1989. 80 с.
95. Черная Т.К. Иронико-трагедийный смысл ролевой (игровой) имитации жизни в романном сюжете «Героя нашего времени» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2005. № 11. С. 113–125.
96. Честнова Н.Ю. Литературный слог как черта речевого портрета подпольного парадоксалиста (Достоевский «Записки из подполья») // Вестник Костромского государственного университета. Кострома: Изд-во КГУ, 2009. № 4. С. 66–67.
97. Щербакова Н.И. «Лишний человек» как парадигма отечественного самосознания XIX века // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2012. № 3–4 (55–56). С. 84–90.
98. Эйхенбаум Б.М. Болдинские побасенки Пушкина // Эйхенбаум Б.М. О литературе: Работы разных лет. М., 1987. С. 1–5.

99. Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя [Электронный ресурс]. 1919. URL: <http://www.opojaz.ru/manifests/kaksdelana.html> (дата обращения: 09.11.2017).
100. Эпштейн М.Н. Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 193–203.
101. Юнг К.-Г. AION [Электронный ресурс]. 1950. URL: <https://librolife.ru/g4083688> (дата обращения: 04.04.2018).
102. Юнг К.-Г. Дух Меркурий [Электронный ресурс]. 1948. URL: <http://testlib.meta.ua/book/234108/read/> (дата обращения: 13.04.2018).
103. Юхнова И.С. Самсон Вырин: миф о маленьком человеке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. С. 285–288.
104. Ямпольский М.Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М.: РИК «Культура», 1993. 464 с.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации
45.03.01 Филология

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
И.В. Евсева

« » _____ 2018 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ТИПОЛОГИЯ ГЕРОЕВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА
(ТИПЫ «МАЛЕНЬКОГО», «ЛИШНЕГО», «НОВОГО»,
«ПОДПОЛЬНОГО» ЧЕЛОВЕКА)**

Выпускник

С.С. Киселева

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. В.К. Васильев

Нормоконтролер

А.А. Чуруксаева

Красноярск 2018